

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

МЕТРО

2035

glukhovsky.ru

18+

Метро

Дмитрий Глуховский

Метро 2035

«АСТ»

2015

Глуховский Д. А.

Метро 2035 / Д. А. Глуховский — «АСТ», 2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-090538-6

Третья мировая стерла человечество с лица Земли. Планета опустела. Мегаполисы обращены в прах и пепел. Железные дороги ржавеют. Спутники одиноко болтаются на орбите. Радио молчит на всех частотах. Выжили только те, кто, услышав сирены тревоги, успел добежать до дверей московского метро. Там, на глубине в десятки метров, на станциях и в туннелях, люди пытаются переждать конец света. Там они создали себе новый мирок вместо потерянного огромного мира. Они цепляются за жизнь изо всех сил и отказываются сдаваться. Они мечтают вернуться наверх – однажды, когда радиационный фон от ядерных бомбардировок спадет. И не оставляют надежды найти других выживших... «Метро 2035» продолжает – и завершает историю Артема из первой книги культовой трилогии. Эту книгу миллионы читателей ждали долгие десять лет, и права на перевод иностранные издатели выкупили задолго до того, как роман был окончен. При этом «2035» – книга независимая, и именно с нее можно начать посвящение в сагу, которая покорила Россию и весь мир.

ISBN 978-5-17-090538-6

© Глуховский Д. А., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дмитрий Глуховский

Метро 2035

Автор благодарит Ларису Смирнову и Илью Якевича за помощь в создании этой книги

© Д. А. Глуховский, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Дмитрий Глуховский, 2015

Фото Ильи Якевича

Глава 1

Тут Москва

– Нельзя, Артем.
– Открывай. Открывай, говорю.
– Начстанции сказал... Сказал, не выпускать никого.
– Ты за идиота меня, что ли? Кого – никого? Кого это – «никого»?
– У меня – приказ! С целью защиты станции... От облучения... Не открывать. Приказ у меня. Понимаешь?!

– Тебе Сухой приказ дал? Тебе мой отчим такой приказ дал? Открывай давай.
– Мне же по шапке из-за тебя, Артем...
– Ну я сам тогда, если ты не можешь.
– Алло... Сансеич... Да, на пост... Тут Артем... Ваш. А что я с ним сделаю-то? Да. Ждем.
– Настучал, а? Молодец, Никицка. Настучал. Отвали! Я открою все равно. Все равно пойду!

Но выскочили из караулки еще двое, втиснулись между Артемом и дверью, стали мягко толкать его, жалея. Артем – заранее усталый, под глазами круги, еще после вчерашнего подъема не оклемавшийся – с часовыми управиться не мог, хоть драться никто с ним и не собирался. Стали сползаться любопытные: чумазные мальчишки с волосами прозрачными, как стекло, одутловатые хозяйки с руками синими и стальными от бесконечной стирки в ледяной воде, усталые и готовые на что угодно бездумно пялиться фермеры из правого туннеля. Шептались. Смотрели на Артема, но и как бы нет; на лицах было у них – черт разберет что.

– И все ходит и ходит. Что ходить-то?
– Ага. И дверь каждый раз нараспашку. А оттуда сифонит, между прочим, сверху-то! Окаянный...
– Слушай, нельзя же... Нельзя так про него. Он все-таки... Всех нас. Спас же. Детей твоих вот.
– Спас, ага. А теперь что? Он для этого спасал их, что ль то? И сам рентген хакает, и нас всех тут... За компанию.

– За хер ему туда, главное? Было бы хоть что! Для чего!

Но вот среди всех этих лиц появилось одно: главное. Усы заброшены, волосы – жидкие уже и все седые – мостом перекинута через плешь. Но лицо вычерчено одними прямыми линиями; никаких скруглений. И остальное в нем – жесткое, резиновое, не прожевать, словно взяли человека и проявили заживо. Голос вялили тоже.

– Разойтись всем. Слышали?
– Вон Сухой. Сухой пришел. Пускай забирает своего.
– Дядь Саш...
– Опять ты, Артем? Мы говорили же с тобой...
– Открой, дядь Саш.
– Разошлись, кому сказано! Нечего глазеть тут! А ты – пойдем.

Артем вместо этого сел на пол, на отполированный холодный гранит. Прислонился к стене спиной.

– Хватит, – одними губами, беззвучно, обозначил Сухой. – Люди и так шепчутся.
– Мне надо. Я должен.
– Там ничего нет! Ничего! Нечего там искать!
– Я же говорил тебе, дядя Саш.
– Никита! Ты-то что зеваешь? Давай, проводи граждан!

– Есть, Сансеич. Так, кому тут приглашения отдельные? Шевели, шевели... – затараторил Никицка, сгребая толпу.

– Ерунду ты говорил. Послушай... – Сухой выпустил надувавший его воздух, обмяк, сморщился, опустился рядом с Артемом. – Ты же гроишь себя. Думаешь, этот костюм от фона тебя спасет? Да он как решето! От платья ситцевого толку больше!

– И что?

– Сталкеры столько не поднимаются, сколько ты... Ты дозу-то пробовал считать? Ну ты жить хочешь или сдохнуть?

– Я уверен, что слышал это.

– А я уверен, что тебе причудилось. Некому там сигналы слать. Некому, Артем! Сколько я тебе говорить должен? Никого не осталось. Ничего, кроме Москвы. Кроме нас тут.

– Не верю.

– Да мне, думаешь, дело есть, во что ты там веришь, а во что нет?! А вот если у тебя волосы выпадут, до этого есть! Если кровью ссать будешь, до этого – есть! Ты хочешь, чтобы хрен у тебя отсох?!

Артем пожал плечами. Помолчал, взвешивая. Сухой ждал.

– Я слышал это. Тогда, на башне. У Ульмана в рации.

– А кроме тебя, никто не слышал. За все время, сколько ни слушали. Пустой эфир. И что?

– И я пошел наверх, вот что. Вот и все.

Артем поднялся на ноги, распрямил спину.

– Я внуков хочу, – сказал ему снизу Сухой.

– Чтобы они тут жили? В подземелье?

– В метро, – поправил его Сухой.

– В метро, – согласился Артем.

– И нормально они тут проживут. Хотя бы родятся. А так...

– Скажи им, чтобы открыли, дядь Саш.

Сухой смотрел в пол. В черный блестящий гранит. Что-то там, видно, было.

– Ты слышал, что люди говорят? Что крыша у тебя поехала. Тогда, на башне.

Артем скривил улыбку.

Набрал воздуха.

– Чтобы внуки, знаешь что надо было, дядя Саш? Надо было детей своих рожать. Ими бы и командовал. И внуки бы на тебя тогда были похожи, а не хер знает на кого.

Сухой зажмурился. Протикала секунда.

– Никита, открой ему. Пускай валит. Пускай околеет. Насрать.

Никицка послушался молча. Артем удовлетворенно кивнул.

– Скоро вернусь, – сказал он Сухому уже из буфера.

Тот по стенке поднялся, обернул к Артему сутулую спину и зашаркал прочь, полируя гранит.

Грохнула дверь буфера, запираясь. Зажглась ярко-белая лампочка под потолком, двадцать пять лет гарантии, слабым зимним солнцем отразилась в грязном кафеле, которым в буфере все было обложено, кроме одной железной стены. Пластиковый стул рваный – отдышаться или ботинки зашнуровать, на крючке – поникший костюм химзащиты, в полу – сток, и шланг резиновый торчал – для дезактивации. В углу еще ранец стоял армейский. И трубка синяя висела на стене, как от телефона-автомата.

Артем влез в костюм – просторный, как чужой. Достал из сумки противогаз. Растянул резину, напаялил ее, поморгал, привыкая смотреть через круглые туманные окошки. Снял трубку.

– Готов.

Заскрежетало надрывно, и железная стена – не стена, а гермоворота – поползла вверх. Снаружи дохнуло стылым и сырым. Артем поежился зябко. Ввалил на плечи ранец – тяжелый, будто человека себе на закорки посадил.

Вверх уводили истертые и скользкие ступени бесконечного эскалатора. Станция метро ВДНХ – шестьдесят метров под землей. Как раз достаточная глубина, чтобы авиабомбы не колыхали. Конечно, если бы ядерная боеголовка ударила в Москву, был бы тут котлован, залитый стеклом. Но боеголовки все были перехвачены противоракетами высоко над городом; на землю дождем шли только их обломки – лучащиеся, но взорваться не умеющие. Поэтому Москва стояла почти целая, и даже похожая на себя прежнюю – как мумия похожа на живого царя. Руки на месте, ноги на месте; улыбка...

А у других городов противоракетной обороны не было.

Артем крикнул, подсаживая ранец поудобней, воровато перекрестился, запустил большие пальцы под слишком свободные ремни, чтобы потуже, и пошел вверх.

* * *

По железу каски стучал дождь, гулко стучал, казалось, Артему в самую голову. Болотные сапоги топили в грязи, ржа ручьями откуда-то сверху бежала куда-то вниз, на небе было навалено облаков – не продохнуть, и дома пустые стояли вокруг, все поглоченные временем. Ни души в этом городе не было. Двадцать лет уже как – ни души.

Сквозь аллею, составленную из сырых лысых коряг, виднелась громадная арка входа на ВДНХ. Вот кунсткамера-то: по поддельным античным храмам рассажены зародыши надежд на будущее величие. Величие должно было наступить скоро – завтра. Только вот само завтра не наступило.

Гиблое место – ВДНХ.

Пару лет назад еще жила тут всякая дрянь, а теперь и ее не осталось. Обещали, что вот вот опустится радиационный фон, и можно будет потихоньку возвращаться, вон, мол, мутантов-то наверху кишмя, а они тоже животины, пусть и исковерканная...

Вышло наоборот: сошла с земли ледяная короста, земля задышала и запотела, фон подскочил. А мутанты поцеплялись за жизнь своими когтищами – и, кто не сбежал, тот сдох. А человек сидел себе под землей, жил на станциях метро, и никуда умирать не собирался. Человеку много не надо. Человек любой крысе фору даст.

Трещал счетчик, начислял Артему дозу. Не брать его больше с собой, думал Артем, бесит только. Какая разница, сколько там натикает? Что это поменяет? Пока дело не сделано, пусть хоть истрещится.

– Пускай говорят, Жень. Пускай считают, что крыша поехала. Они же не были тогда... На башне. Они же вообще из своего метро не вылезают. Откуда им знать, а? Крыша... Бомбил я их всех в... Объясню же: вот ровно в тот момент, когда Ульман на башне антенну развернул... Пока он настраивался... Было что-то. Слышал я! И – нет, сука, не причудилось. Не верят!

Автомобильная развязка дыбилась у него над головой, асфальтовые ленты пошли волной и застыли, стряхнув машины; те попадали, как придется, кто на четыре лапы, а кто на спинку, и околели в таких позах.

Артем огляделся коротко и двинул вверх по шершавому высунутому языку эстакады. Немного было пройти – километра, может, полтора. У следующего языка торчали высотки «Триколор», прежде размалеванные торжественно в белый, синий и красный. Время потом все в серый перекрасило, по-своему.

– А почему не верят? Просто не верят, и все. Ну да, никто не слышал позывных. Но они откуда эти позывные слушают? Из-под земли. Никто же не станет наверх идти только за этим...

Верно же? Но ты сам подумай: разве может такое быть, чтобы никто, кроме нас, не выжил? Во всем мире – никто? А? Бред же! Ну не бред?

Не хотелось смотреть на Останкинскую башню, но и не видеть ее было нельзя: отворачивайся от нее или нет, а она всегда маячит с краю – как царапина на противогазном стекле. Черная, сырая, обломанная по набалдашнику смотровой площадки; как рука чья-то со сжатым кулаком из-под земли пробилась, будто кто-то огромный хотел на поверхность снизу выбраться. Но увяз в рыжей московской глине, затиснуло его в тугой сырой земле, затиснуло и задавило.

– Я когда на башне в тот раз... – Артем скованно мотнул головой в ее сторону, – когда они слушали эфир, пытались поймать Мельника позывные... Там через это шуршание... Чем хочешь готов поклясться... Было! Что-то было!

Плыли над голым лесом два колосса – Рабочий и Колхозница, схватившиеся в странной своей позе, то ли по льду скользят, то ли танго крутящие, но друг на друга не глядя, как беспольные. А куда тогда они смотрят? Видно им с их высоты, что за горизонтом, интересно?

Слева осталось чертовое колесо ВДНХ, огромное, как шестеренка того механизма, который вращал Землю. И вместе со всем механизмом колесо уже двадцать лет как замерло и ржавело теперь тихо. Кончился завод.

На колесе написано было «850»: столько лет исполнилось Москве, когда его поставили. Артем подумал, что исправлять это число смысла нет: если время некому считать, оно оставливается.

Некрасивые и невеселые небоскребы, казавшиеся раньше бело-сине-красным, выросли в полмира: совсем близко. Самые высокие здания в округе, если не брать в расчет сломанную башню. То, что надо. Артем запрокинул голову, достал взглядом до вершины. От этого сразу заломило в коленях.

– Может, сегодня... – без знака вопроса спросил Артем, хоть и помня, что уши у неба заткнуты облачной ватой.

Там, конечно, не расслышали.

Подъезд.

Подъезд как подъезд.

Домофон осиротел, железная дверь обесточена, в аквариуме консьержа собака дохлая, жестяно лязгают почтовые ящики на сквозняке, ни писем в них, ни рекламного мусора. Все давно собрали и сожгли, чтобы хоть руки погреть.

Внизу – три немецких блестящих лифта, распахнутые и сверкающие нержавеющей нержавеющей, как будто на любом из них можно было сейчас взять вот так, да поехать на самый верх этой высотки. Артем их за это ненавидел. И рядом – дверь пожарного хода. Артем знал, что за ней. Считал уже: сорок шесть этажей пешком. На Голгофу всегда – пешком.

– Всегда... Пешком...

Ранец весил сейчас всю тонну; и эта тонна давила Артема в бетон, мешала идти, с шага сбивала. Но Артем все равно шагнул – как заведенный; и как заведенный говорил.

– Ну и что, что нет против... ракет... Все равно... Должны были... Должны были еще где-то... Люди... Не может быть, чтобы только тут... Чтобы только в Москве... Только в метро... Вот же – земля... Стоит... Не раскололась... Небо... Расчищается... Не может ведь такого... Чтобы – вся страна... И Америка... И Франция... и Китай... А Таиланд какой-нибудь... Он-то вообще кому чего сделал... Его вообще не за что...

Не бывал, конечно, Артем, в свои двадцать шесть ни во Франции, ни в Таиланде. Почти не застал он старого мира: опоздал родиться. А у нового география поскуднее – станция метро ВДНХ, станция метро Лубянка, станция метро Арбатская... Кольцевая линия. Но, разглядывая в редких туристических журналах фотоснимки Парижа и Нью-Йорка, отфильтрованные

плесенью, Артем сердцем чувствовал, что эти города еще есть где-то, стоят, не сгнули. Ждут, может, его.

– Почему бы... Почему бы только одной Москве остаться? Нелогично, Жень! Понимаешь? Нелогично! А значит... Значит, просто мы поймать их... Их позывные... Не можем... Пока. Надо просто продолжать. Нельзя руки опускать. Нельзя...

Высотка была пустой, но все равно звучала, жила: через балконы влетал ветер, хлопал дверными створами, дышал с присвистом через лифтовые шахты, шебуршал чем-то в чужих кухнях и спальнях, притворялся вернувшимися хозяевами. Но Артем уже не верил ему, даже не оборачивался, и в гости не заходил.

Известно, что там, за стучащими беспокойно дверями: разграбленные квартиры. Остались только снимки по полу разбросанные – чужие мертвецы себя никому на память сфотокали, да совсем громоздкая мебель, которую ни в метро, ни на тот свет с собой не протащишь. В других домах окна от взрывной волны повывлетали, а тут стеклопакеты, выдержали. Но за два десятка лет все пылью заросли, как от катаракты ослепли.

Раньше можно было встретить в иной квартире бывшего хозяина: ткнется противогазным хоботом в какую-нибудь игрушку и плачет через хобот гнусаво, и не слышит, как к нему сзади подошли. А теперь уж давно никого не попадалось. Кто-то остался лежать с дырой в спине рядом с этой своей дурацкой игрушкой, а другие поглядели на него и поняли: нету наверху дома, и нету там ничего. Бетон, кирпич, слякоть, асфальт треснутый, кости желтые, труха из всего, ну и фон. Так в Москве – и так во всем мире. Нет нигде жизни, кроме метро. Факт. Общеизвестный.

Всем известный, кроме Артема.

А вдруг есть на бескрайней Земле еще одно место, пригодное для человека? Для Артема и для Ани? Для всех со станции? Место, где не было бы над головой чугунного потолка, и где можно было бы расти до неба? Построить себе дом – свой, жизнь – свою, и из этого места уже обживать дальше заново постепенно всю сожженную землю?

– Всех наших... Разместил бы... На воздухе... Жили бы...

Сорок шесть этажей.

Можно было бы остановиться и на сороковом, да и на тридцатом; никто ведь не говорил Артему, что непременно надо забраться на самую вершину. Но он отчего-то вбил себе в голову, что если и может у него что получиться, то только там, на крыше.

– Конечно... Не... Не так... Высоко... Как на башне... Тогда... Но... Но...

Окошки противогаза заперли, сердце взламывало грудную клетку, и как будто заточкой кто-то нащупывал, где у Артема под ребро можно пролезть. Сквозь противогазные фильтры дышалось скудно и натужно, не хватало жизни, и Артем, добравшись до сорок пятого, как в тот самый раз, на башне, не выдержал и сорвал с себя тесную резиновую кожу. Хлебнул сладкого и горького воздуха. Совсем другого воздуха, чем в метро. Свежего.

– Высота... Может... Там же... Метров триста... Высота... Поэтому, может... Поэтому, наверное... С высоты... Ловит...

Он свалил с себя ранец: дотащил. Уперся окаменевшей спиной в крышку люка, выдал его наружу, выбрался на площадку. И только тут упал. Лежал навзничь, глядел на облака, до которых было – рукой подать; уговаривал сердце, успокаивал дыхание. Потом поднялся.

Вид отсюда был...

Как если бы умереть, полететь уже в рай, но упереться вдруг в стеклянный потолок, и зависнуть там, и болтаться под этим потолком, ни туда и ни сюда. Но понятно, что вниз с такой высоты вернуться больше нельзя: когда ты сверху увидел, какое на земле все на самом деле игрушечное, как это все снова потом всерьез воспринимать?

Рядом высились еще два таких же небоскреба, прежде пестрые, ныне серые. Но Артем всегда именно на этот поднимался. Так уютней было.

Случилась между облаками на секунду бойница, стрельнуло из нее солнце; и вдруг показалось, что блеснуло что-то с соседнего дома, не то с крыши, не то из пыльного окна одной из верхних квартир. Как будто зеркальцем кто-то луч поймал. Но пока успел оглянуться – солнце обратно забаррикадировалось, и блеск пропал. Больше не было.

Глаза сами съезжали все время, как Артем ни отводил их, к переродившемуся лесу, который разросся вместо Ботанического сада. И – к черной лысой пустоши в самой его сердцевине. Такое мертвое место, будто Господь на него остатки горящей серы выплеснул. Но нет, не Господь.

Ботанический сад.

Артем его другим помнил. Только его-то он и помнил из всего пропавшего довоенного мира.

Странное дело: вот вся твоя жизнь состоит из кафеля, тюбингов, текущих потолков и ручьев на полу вдоль рельсов, из гранита и из мрамора, из духоты и из электрического света.

Но вдруг есть в ней крохотный кусок другого: майское прохладное утро, по-детски нежная недавняя зелень на стройных деревьях, изрисованные цветными мелками парковые дорожки, томительная очередь за пломбиром, и сам этот пломбир, в стаканчике, не то что сладкий там, а просто неземной. И голос матери – ослабленный и искаженный временем, как медным телефонным кабелем. И тепло от ее руки, от которой ты стараешься не отцепиться, чтобы не потеряться – и держишься изо всех сил. Хотя разве такое можно помнить? Наверное, нельзя.

И все это, другое – такое неуместное и невозможное, что ты и не понимаешь уже, было ли оно с тобой наяву или просто приснилось? Но как этому сниться, если ты такого никогда не видел и не знал?

Стояли у Артема перед глазами меловые рисунки на дорожках, и солнце сквозь дырявую листву золотыми иголками, и мороженка в руке, и оранжевые смешные утки по коричневому зеркалу пруда, и шаткие мосточки через этот пруд осененный – так страшно в воду упасть, а еще страшней в него уронить вафельный стаканчик!

А вот лица ее, лица своей мамы, Артем вспомнить не мог. Старался вызвать его, на ночь просил себя увидеть его хотя бы во сне, пусть бы и забыть снова к утру – но ничего не получалось. Неужели не нашлось в его голове крохотного уголка, где мать могла бы спрятаться и переждать смерть и черноту? Видно, не нашлось. Но как может человек быть – и совсем исчезнуть?

А день тот, а мир тот – они куда могли запропасться? Вот же они были – тут, рядом, только глаза закрыть. Конечно, в них можно вернуться. Где-то на земле они должны были спастись, остаться – и звать всех, кто потерялся: мы тут, а вы где? Надо только услышать их. Надо только уметь слушать.

Артем поморгал, потер веки, чтобы глаза видели снова сегодня, а не двадцать лет назад. Сел, раскрыл ранец.

Там была радиостанция – армейская, громоздкая, зеленая-исцарапанная, и еще одна банда: железный ящик с ручкой-крутилкой. Самодельная динамо-машина. И на самом дне – сорок метров шнура, антенна к радиостанции.

Артем связал все провода, прошел по крыше круг, разматывая шнур, отер воду с лица и снова нехотя влез в противогаз. Сжал голову наушниками. Огладил пальцами клавиши. Крутанул рукоять динамо-машины: моргнул диод, зажужжало, завибрировало в ладони, как живое.

Щелкнул тумблером.

Закрыв глаза, потому что боялся, что они помешают ему выловить в шуме радиоприбора бутылку с письмом с далекого континента, где выжил кто-то еще. Закачался на волнах. И динамо крутил – словно рукой на плоту надувном подгребал.

Наушники зашипели, завывли тоненько «Ииииу...» сквозь шорох, заперхали чахоточно; помолчали – и снова шипеть. Как будто Артем бродил по туберкулезному изолятору, ища, с кем поговорить, но ни один больной не был в сознании; только нянечки прикладывали палец

к губам и строго делали «шшшшшш...». Никто тут не хотел отвечать Артему, никто не соби-
рался жить.

Ничего из Питера. Ничего из Екатеринбурга.

Молчал Лондон. Молчал Париж. Молчали Бангкок и Нью-Йорк.

Неважно уже давно было, кто начал ту войну. Неважно было, с чего она началась.
Для чего? Для истории? Историю победители пишут, а тут некому было писать, да и читать
скоро некому будет.

Шшшшшш...

Пустота была в эфире. Бескрайняя пустота.

Ииииу...

Болтались на орбите неприкаянные спутники связи: никто их не звал, и они сходили
с ума от одиночества, и бросались на Землю, чтобы пусть уж лучше сгореть в воздухе, чем так.

Ни слова из Пекина. И Токио – могила.

А Артем все равно крутил эту проклятую ручку, крутил, греб, греб, крутил.

Как тихо было! Невозможно тихо. Невыносимо.

– Тут Москва! Тут Москва! Ответьте!

Это его голос, Артема. Это он, как всегда, не дождался, не вытерпел.

– Тут Москва! Прием! Ответьте!

Ииииииу.

Не останавливаться. Не сдаваться.

– Петербург! Ответьте! Владивосток! Ответьте Москве! Ростов! Ответьте!

Что с тобой, город Питер? Неужели хлипкий ты такой оказался, хлипче Москвы?!
Что там вместо тебя? Стеклозное озеро? Или тебя плесень съела? Почему не отвечаешь? А?

Куда делся ты, Владивосток, гордый город на другом краю света? Ты ведь так далеко
от нас стоял, неужели и тебя зачумили? Неужели и тебя не пожалели? Кхх. Кхх.

– Ответьте, Владивосток! Тут Москва!

Весь мир лежит ничком, лицом в грязь, и не слышит этого бесконечного дождя по спине
каплями, и не чувствует, что и рот, и нос ржавой водой заполнены.

А Москва... Вот. Стоит. На ногах. Как живая.

– Да что вы, сдохли там, что ли, все?!

Шшшшшш...

Может, души их так отвечали ему, забравшись в радиоэфир? А может, так фон звучал?
Должен же и у смерти быть свой голос. Такой вот наверное, как раз: шепот. Тссс... Ну-ну.
Не шуми. Успокойся. Успокойся.

– Тут Москва! Ответьте!

Может, сейчас услышат?

Вот прямо сейчас кашляет в наушнике кто-то, прорвется взволнованный через шипе-
ние, закричит далеко-далеко:

– Мы тут! Москва! Слышу вас! Прием! Москва! Только не отключайтесь! Вас слышу!
Господи! Москва! Москва на связь вышла! Сколько вас там выжило?! У нас тут колония, два-
дцать пять тысяч человек! Земля чистая! Фон нулевой! Вода незараженная! Еда? Конечно!
Лекарства есть, есть! Высылаем за вами спасательную экспедицию! Только держитесь! Слы-
шите, Москва?! Главное – держитесь!

Ииииииу. Пусто.

Это не сеанс радиосвязи был, а спиритический сеанс. И тот не удавался Артему никак.
Духи, которых он вызывал, не хотели к нему. Им и на том свете хорошо было. Они смотрели
сверху на Артемову фигурку сгорбленную в редкие просветы меж облаков, и только ухмыля-
лись: туда? К вам? Нет уж, дудки!

Кххххххх.

Бросил крутить гребаную ручку. Сорвал наушники. Поднялся, смотал провод антенны аккуратной бухтой, медленно, насилуя себя этой аккуратностью – потому что хотелось: рвануть его так, чтоб на куски, и зашвырнуть с сорок шестого этажа в пропасть.

Сложил все в ранец. Посадил его к себе на плечи, черта-искусителя. Понес вниз. В метро. До завтра.

* * *

– Дезактивацию провел? – прогундосила синяя трубка.

– Провел.

– Почетче!

– Провел!

– Провел он, ага... – трубка неверяще цыкнула, и Артем шваркнул ее о стену с ненавистью.

Внутри двери заскребся замок, втягивая языки. Потом она ухнула протяжно, открылась, и метро дохнуло на Артема своим спертым тяжелым духом.

Сухой встречал его на пороге. То ли чувствовал, когда Артем вернется, то ли вообще не уходил на самом деле никуда. Чувствовал, наверное.

– Как ты? – спросил он устало, беззлобно.

Артем пожал плечами. Сухой ощупал его взглядом. Мягко, как детский врач.

– Там тебя человек искал. С другой станции пришел.

Артем подобрался.

– Не от Мельника?

Звякнуло в его голосе что-то, как будто гильзу на пол уронили. Надежда? Или малодушие? Или что?

– Нет. Старик какой-то.

– Что за старик? – вся последняя сила, собранная на тот случай, если отчим скажет «да», тут же вытекла из Артема, сразу в стоки ушла, и ему теперь хотелось только лечь.

– Гомер. Гомером назвался. Знаешь такого?

– Нет. Я спать, дядь Саш.

* * *

Она не шелохнулась. Спит или не спит? – думал Артем. Так, механически думал, потому что не было ему уже никакого дела до того, спит она или притворяется. Свалил одежду кулем при входе, потер зябко плечи, сиротски приткнулся к Ане сбоку, потянул на себя одеяло. Было бы второе – не стал бы даже ввязываться.

На станционных часах было семь вечера, что ли. Но Ане в десять вставать – и на грибы. А Артема от грибов освободили, как героя. Или как инвалида? И остальным занимался по своему хотению. Просыпался, когда она возвращалась со смены – и уходил наверх. Отключался, когда она еще притворялась, что спит. Так они жили: в противофазе. В одной койке, в разных измерениях.

Осторожно, чтобы не разбудить ее, Артем стал наворачивать стеганое красное полотно на себя. Аня почувствовала – и, не говоря ни слова, яростно дернула одеяло в обратную сторону. Через минуту этой идиотской борьбы Артем сдался – и остался лежать на краю постели голым.

– Супер, – сказал он.

Она молчала.

Отчего лампочка горит сначала, а потом перегорает?

Тогда он лег лицом в подушку – их-то, слава богу, было две – согрел ее дыханием, и так уснул. А в подлomme сне увидел Аню другую – смеющуюся, бойкую, задирающую его весело, совсем молодую какую-то. Хотя сколько прошло? Два года? Два дня? Черт знает, когда такое могло быть. Им тогда казалось, что у них целая вечность впереди, обоим казалось. Получается, вечность назад это все и было.

Во сне тоже было холодно, но там Аня морозила его – кажется, по станции голым гоняла – из баловства, а не из ненависти. И когда Артем очнулся, по сонной инерции верил еще целую минуту, что вечность не кончилась пока, что они с Аней только в середине ее находятся. Хотел позвать ее, простить, обратить все в шутку. Потом вспомнил.

Глава 2

Метро

– А ты-то меня хоть пытаешься слушать? – спросил он у Ани.

Но ее уже не было в палатке.

Одежда его лежала ровно на том месте, где он ее сбросил: на проходе. Аня не прибрала ее, не расшвыряла. Переступила только, будто боялась дотронуться. Заразиться. Может, и вправду боялась.

Наверное, ей одеяло и было всегда нужнее. Он уж как-нибудь согреется.

Хорошо, что ушла. Спасибо тебе, Аня. Спасибо, что не стала со мной разговаривать. Что не стала мне отвечать.

– Спасибоочки, бля! – сказал он вслух.

– Можно? – отозвался кто-то сквозь брезент и прямо над ухом. – Артем? Не спите?

Артем пополз к своим порткам.

Снаружи, усевшись на раскладной походный табурет, ждал старик со слишком мягким для своего возраста лицом. Сидел он удобно, уютно, равновесно, и было ясно, что расположился он тут давно, а уходить не собирается вовсе. Старик был чужим, не со станции: морщился, неосторожно вдохнув носом. Пришлых видно.

Артем сложил пальцы козырьком, и закрывшись этим козырьком от алого света, которым была залита станция ВДНХ, взгляделся в гостя.

– Чего тебе надобно, старче?

– Вы Артем?

– Допустим, – Артем втянул носом воздух. – Зависит.

– Я Гомер, – заявил старик, не вставая. – Зовут так.

– Правда?

– Я книги пишу. Книгу.

– Интересно, – сказал Артем голосом человека, которому неинтересно.

– Историческую. Как бы. Но про наши дни.

– Историческую, – повторил Артем осторожно, оглядываясь по сторонам. – Это зачем? История-то, говорят, все! Кончилась.

– А мы? Кто-то должен ведь обо всем, что с нами тут... Обо всем, что с нами тут происходит, потомкам рассказать.

Если не от Мельника, думал Артем, то кто? От кого? Зачем?

– Потомкам. Святное дело.

– И надо о самом главном, с одной стороны, рассказать... Чем мы тут живем. Все вехи и перипетии, так сказать, отразить. А с другой – как это сделать? Сухие факты забываются. Чтобы люди запомнили, нужна живая история. Нужен герой. Искал вот материал. Пробовал всякое. Казалось, нашел. Но потом взялся... И не сработало. Не получилось. А потом услышал про ВДНХ, и...

Было видно, что старику нелегко объясниться, но Артем не собирался ему помогать; он все не мог понять, что же сейчас будет. Зла от старика не шло, одна неуместность, но что-то скапливалось в воздухе, что-то образовывалось между ним и Артемом такое, что должно было вот-вот разорваться, ожечь, и посеять осколками.

– Мне про ВДНХ рассказали... Про черных – и про вас. И я понял, что должен именно вас найти, чтобы эту...

Артем кивнул: дошло наконец.

– Отличная история.

И, не прощаясь, зашагал прочь, сунув вечно зябнувшие руки в карманы. Старичок застрял сади на своем удобном табуретике, что-то еще объясняя Артемовой спине вдогонку. Но Артем решил: оглохнуть.

Поморгал – глаза привыкли, можно больше не щуриться.

К тому свету, который на поверхности, они дольше привыкали. Год. Это быстро! Большинство жителей метро от солнечного света, даже от такого, облаками придушенного, ослепли бы, наверное, навсегда. Всю жизнь в впотьмах ведь. А Артем себя видеть наверху заставил. Видеть тот мир, в котором родился. Потому что если ты не можешь солнце потерпеть – как ты наверх вернешься, когда время придет?

Все в метро родившиеся росли уже без солнца, как грибы. Нормально: оказалось, не солнце нужно людям, а витамин D. Оказалось, солнечный свет можно в виде драже жрать. А жить можно и на ощупь.

В метро общего освещения не было. Не было общего электричества. Совсем ничего общего не было: каждый сам за себя. На некоторых станциях наловчились вырабатывать достаточно света для того, чтобы было почти как раньше. На других – его хватало на одну лампочку, горящую посреди платформы. Третьи были забиты густой чернотой, как в туннелях. Если приносил туда кто-то свет с собой в кармане, то мог выловить из ничего по кусочкам – пол, потолок, мраморную колонну; и из темноты сползались на луч его фонарика жители станции, желающие немного посмотреть. Но лучше им было не показываться: без глаз они вполне приучились существовать, но рот-то у них не зарос.

На станции ВДНХ жизнь была налажена крепко, и народ был балованный: у отдельных людей в палатках горели утащенные сверху маленькие диоды, а для общих мест имелось старое еще аварийное освещение – лампы в красных стеклянных колпаках; при таком было бы удобно, положим, негативы фотографий проявлять. Так вот и Артемова душа медленно в этом красном свете проявлялась, появлялась из проявителя, и видно становилось, что снята она была еще там, наверху, майским ярким днем.

А другим днем – октябрьским, пасмурным – засвечена.

– Отличная история, а, Жень? Помнишь черных? – шептал Артем; но отвечали всегда другие. Всегда не те ему отвечали.

– Здоров, Артем!

– О, Артем!

Здоровались все. Кто-то улыбался, кто-то хмурился, но здоровались – все. Потому что все помнили черных, а не только Женька с Артемом. Все помнили эту историю, хотя не знал ее никто.

Станция метро ВДНХ: конечная. Дом родной. Двести метров в длину, и на них – двести человек. Места как раз: меньше – не надышишься, больше – не согреешься.

Построена станция была лет сто назад, во времена прежней империи, из ее имперского обычного материала: мрамора и гранита. Замышлялась она торжественной, как дворец, но была, разумеется, закопана в землю, так что вышло среднее между музеем и усыпальницей. Прадедовский дух тут был, как и в прочих всех станциях, даже и более новых, совсем неистребим. Вроде и выросли жители метро, а все сидели у каких-то древних стариков на их бронзовых коленях, и слезть было нельзя – не отпускали.

Закопченные колонны развесистые, в арках между ними развернуты древние и изношенные армейские палатки: в каждой – семья, в некоторых – по две. Семьи эти можно запросто перетасовать, никто, наверное, разницы и не заметит: когда живешь вместе двадцать лет на одной станции, когда между твоими тайнами и соседскими, между всеми стонами и всеми криками – брезента один слой, так получается.

Где-то, может, люди бы и съели друг друга уже – зависть ведь, и ревность к Богу, что он чужих детей больше любит, и невозможность разделить с другими своего мужа или жену,

и жилплощадь вполне стоит того, чтобы за нее удавить; но не тут, не на ВДНХ. Тут вышло как-то просто – и по-свойски.

Как в деревне или как в коммуне. Нет чужих детей: у соседей здоровый родился – общий праздник; у тебя больной – помогут тянуть, кто чем. Негде расселиться – другие подвинутся. С другом подерешься – теснота помирит. Жена ушла – простишь рано или поздно. На самом деле ведь никуда она не ушла, а тут же осталась, в этом же мраморном зале, над который сверху навалено миллион тонн земли; разве что теперь за другим куском брезента спит. Но каждый день будете встречаться с ней, и не раз, а сто. Придется договориться. Не получится представить себе, что ее нет и не было. Главное – что все живы, а там уж... Как в коммуне или как в пещере.

Путь-то отсюда был – южный туннель, который вел к Алексеевской и дальше, в большое метро, но... Может, в том и дело, что ВДНХ была – конечная. И жили тут те, кто не хотел уже и не мог никуда идти. Кому дом был нужен.

Артем остановился у одной палатки, замер. Стоял, просвечивал им внутрь сквозь изношенный брезент, пока наружу не вышла тетя с отечным лицом.

– Здравствуй, Артем.

– Здравствуйте, Катерина Сергеевна.

– Жени нет, Артем.

Он кивнул ей. Захотелось погладить ее волосы, за руку взять. Сказать, мол, да я знаю, знаю. Я все знаю на самом деле, Екатерина Сергеевна. Или вы себе это говорите?

– Иди, Артем. Иди. Не стой тут. Поди там, чайку выпей.

– Так точно.

С обоих концов зал станции был обрублен по эскалаторы – сами замуровали и законопатили себя внутри, чтобы с поверхности воздух отравленный не тек... Ну и от гостей всяких. С одной стороны, где новый выход – наглухо. С другой, где старый – оставили шлюз для подъема в город.

Там, где глухая стена – кухня и клуб. Плиты для готовки, хозяйки в фартуках суетятся, варганят обед детям и мужьям; ходит вода по трубкам угольных фильтров, журчит, сливаясь в баки, почти прозрачная; то и дело чайник свистеть начинает – со смены с ферм забежал гонец за кипятком, вытирает руки о штаны, ищет среди кухарок свою жену, чтобы за мягкое ее прихватить, о любви напомнить, и заодно досрочно полуготового чего-нибудь кусок схарчить.

И плиты, и чайники, и посуда, и стулья со столами – были все не свои, а колхозные, но люди к ним бережно отнеслись, не портили.

Все, кроме еды, принесли сверху: в метро ничего толкового не смастерить. Хорошо, что мертвые, когда жить собирались, впрок себе всякого добра наготовили – лампочек, дизель-генераторов, проводов, оружия, патронов, посуды, мебели, одежды нашили прорву. Теперь можно за ними донашивать, как за старшими братьями и сестрами. Надолго хватит. Во всем метро народу – не больше пятидесяти тысяч. А в Москве раньше жило пятнадцать миллионов. У каждого, выходит, таких родственников – по триста человек. Толпятся беззвучно, протягивают свои обноски молча: бери мои, мол, бери-бери, новые почти, я-то из них уже вырос.

Проверить только их вещи дозиметром – не слишком щелкает? – поблагодарить и можно пользоваться.

Артем добрался до чайной очереди, приткнулся последним.

– Артем, ну куда ты, как не свой! В очереди он еще тут будет! Садись, в ногах правды... Плеснуть горяченького?

Заправляла тут Дашка-Шуба, баба лет уже, видимо, пятидесяти, но совершенно не желающая об этом думать. Приехала она в Москву из какой-то дыры под Ярославлем за три дня до того, как все ухнуло. Шубу покупать. Купила; и с тех пор больше не снимала ее уже ни днем, ни ночью, ни в уборную сходить. Артем никогда над ней не смеялся: а если бы у него остался

вот такой кусок прежней его собственной жизни? Мая, или пломбира, или тени от тополей, или маминой улыбки?

– Да. Спасибо, тетя Даш.

– Все ты тетякаешь мне! – укоризненно и кокетливо. – Ну что там, сверху-от? Погодка как?

– Дождик.

– Ак это опять нас подтопит, что ли? Слышь, Айгуль? Дошь, говорят.

– Аллах нас наказывает. За грехи. Глянь, свинина-то не сгорит у тебя?

– Ну что сразу Аллах твой! Аллах у нее сразу! А и правда, подгорает... Как Мехмет твой, вернулся с Ганзы?

– Третий день нету. Третий!

– Не переживай так-то...

– Вот я тебе сердцем клянусь, Даша, завел себе он там кого-то! Из ваших завел! В грехе...

– Ваших-наших... Что ты как эта... Мы все тут, Айгулюшка... Все заодно.

– Давалку какую-нибудь завел, Аллахом тебе...

– Ак ты бы сама-то ему почаще давала... Мужики-то ведь они как котята... Тычутся, пока не найдут...

– Да что вы несете?! По делам он по торговым! – вступился мужичок полудетского размера и с детским почти лицом, только испитым; отчего-то не смог вырасти как следует.

– Ладно-ладно. Ты, Коля, подельников-то не прикрывай своих! А ты, Артем, не слушай нас, баб. На-ко. Подуй, горячо.

– Спасибо.

Подошел человек, разлинованный старыми белыми шрамами и совсем лысый, но при этом не свирепый из-за пушистых бровей и обтекаемой речи.

– Приветствую всех присутствующих, дам отдельно! А кто тут за чайком? Я за тобой тогда, Колюнъ. Про Ганзу слышали уже?

– А что Ганза?

– Граница на замке. Как выразился классик, загорелся красный свет, говорит, прохода нет. Пятеро наших там торчат.

– Вона чего, Айгулька. Грибы помешай свои там, грибочки.

– А мой там! А я что! Аллахом... Как закрыли? А, Кстантин?

– Закрыли и все дела. Не наше вшивое дело. Приказ есть приказ.

– Опять поди воюют! С Красной Линией, небось, опять воюют, а? Хоть бы передохли там они уже все ведь!

– А кто знает, а, Кстантин? Это мне к кому идти? Мехмет-то мой...

– Для профилактики это. Я оттуда только. По торговле карантин какой-то. Откроют скоро. Здравствуйте.

– Ой, здрааасьте, мушщина. В гости к нам? Кто-откуда?

– С Севастопольской я. Можно тут присесть?

Артем перестал дышать жгучим паром, оторвался от белой выщербленной кружки с золотым кантиком. Старик доковылял сюда, разыскал его, и теперь украдкой, уголком глаза его изучал. Ладно. Не бегать же от него.

– А ты-то как к нам пробрался, дедуль? Если закрыли все? – Артем вызвал пронирыливого старика на прямой взгляд.

– Последним проскочил, – тот не мигал, не уклонялся. – Прямо после меня и закрыли.

– Век бы без них и жили, без Ганзы этой! А вот они без нашего чайку, без грибочков-от наших пускай попробуют, дармоеды! Мы-то продержимся с Божьей помощью!

– Откроют! А если не откроют? А Мехмет-то мой!

– А ты, Айгулька, к Сухому сходи. Он-то твоего Мехметика в два счета достанет. Не бросит уж. Чайку, может? Пробовал наш уже?

– Не откажусь, – с достоинством качнул бородой самозванный Гомер.

Он сидел против Артема, прихлебывал местный их грибной отвар, горделиво, но беспричинно именуемый чаем – настоящий-то чай, конечно, весь выпит был лет десять как – и ждал. И Артем ждал.

– Кто за кипятком?

У Артема екнуло: Аня подошла. Встала, не замечая его, спиной.

– Трудишься сегодня, Аня? – сразу же привлекла ее к разговору Шуба, отирая руки о лысеющие меховые карманы. – Грибочки?

– Грибочки, – та спиной и ответила, лишь бы не оборачиваться; значит, все она заметила.

– Поясница, небось, а? В наклонку-то.

– Отваливается, тетя Даш.

– Грибы не свиньи! – неодобрительно шмыгнув, высказалась раскосая кряжистая Айгуль. – В наклонку ей. Ты в говне-ка повозись!

– Сама и повозись. Каждый себе по душе работу выбирает, – ровно возразила Аня.

Ровно возразила; но Артем знал – вот именно когда таким голосом она говорит, спокойным – может ударить. Да и вообще все может, обучена. С таким отцом.

– Не ссорьтесь, девочки, – зажурчал исполосованный Константин. – Все профессии нужны, все профессии важны, как сказал классик. Без грибов порося-то чем кормить?

Грибы-шампиньоны росли в заваленном северном туннеле, одном из двух, которые раньше вели к станции Ботанический сад. Триста метров грибных плантаций, а за ними – еще свиноферма. Свиней подальше запихнули, чтобы вони меньше. Как будто тут триста метров спасти могут. Спасало другое: устройство человеческих чувств.

Вновь прибывшие мерзотный свиной дух ощущали день-другой. Потом – принюхивались. Аня принюхалась не сразу. Местные жители давно не слышали ничего. Им и сравнивать было не с чем. А Артему вот было.

– Хорошо, когда душа к грибам лежит, – прицельно глядя Ане в затылок, четко проговорил он. – С грибами проще договориться, чем с людьми.

– А зря вообще некоторые к грибам с таким презрением, – сказала та. – Есть люди, которых от грибов не сразу и отличишь. И болезни даже общие, – Аня наконец развернулась к нему. – Вот у меня сегодня, например. На половине грибов – гниль какая-то. Гнильца появилась, понимаешь? Откуда взялась?

– Что за гниль еще? – обеспокоилась Айгуль. – Нам гнили еще только тут не хватало, Аллах спаси!

– Чаю, может, кому? – влезла Шуба.

– Ящик гнили вот набрала, – в глаза Артему сказала Аня. – А ведь были нормальные раньше грибы. Здоровые.

– Ну это прямо беда какая-то! – покачал головой Артем. – Грибы протухли.

– Ак жрать-то мы чего будем? – резонно заметила Шуба.

– Ну конечно, разве это беда? – тихо и железно ответила ему Аня. – Вот когда великого героя и спасителя всея метро всерьез никто не воспринимает больше – вот это беда!

– Пойдем-ка, Айгулька, продышимся, – вздернула нарисованную бровь Шуба. – Тут жарковато что-то становится.

– Эхм... – Гомер поднялся вслед за остальными.

– Нет, – остановил его Артем. – Вот. Ты же хотел про героя послушать? Про Артема, который все метро спас? Вот, слушай. Послушай правду. Людям, думаешь, до этого есть дело?

– Потому что у людей свои дела. Настоящие дела. Работать. Своих кормить. Детей растить. А когда кое-кто мается и не может себе дела найти, и выдумывает себе херню всякую –

вот это да, беда, – Аня заняла позицию и вела по нему огонь очередями: короткая, короткая, длинная.

– Нет, беда, это когда человек не хочет жить, как человек, а хочет, как порось и как гриб, – ответил Артем. – Когда его одно только заботит...

– Беда, это когда гриб решает, что он человек, – уже не пряча ненависть, сказала Аня. – А правды ему никто не говорит, чтобы не расстраивать.

– Правда, что ли, на грибах гниль? – спросила, почти уже совсем отчалив, Дашка-Шуба.

– Правда.

– Тьфу ты, пропасть.

– Аллах нас наказывает! – громогласно заявила Айгуль с расстояния. – За грехи! Что свинину едим, за это!

– Ну и ты иди... Иди... Грибы зовут... – подтолкнул застывшую Аню Артем. – Кашляют, чихают. Где ты, мама, говорят.

– Сука ты. Бесполезная.

– Иди!

– От грибов-то скорее дождешься.

– Иди! Иди давай!

– Ты иди. Сам иди. Давай, вали к себе наверх. Хоть на весь город свою антенну размотай. Глотку порви себе со своими причитаниями. Никого там нет, понял? Никого. Все сдохли. Радиолобитель. Мудак.

– Да ты еще потом сама...

– Не будет никакого «потом», Артем. Не будет.

Глаза у нее были сухими. Отец ее научил, как не плакать. У нее-то был отец. Собственный, родной.

Развернулась, ушла.

Артем остался над чашкой грибного отвара: белой, со сколотой золотой каемкой. Гомер сидел рядом осторожно, молча. На кухню стали возвращаться люди. Говорили о том, что грибы побилла какая-то белая гниль, вздыхали, чтобы войны снова не было, судачили, кого чей муж на свиноферме за какую часть взял. Проскочил мимо розовый маленький визжащий поросенок, за ним бледная чахоточная девочка, обошла кругом стол кошка с поднятым трубой хвостом, потерлась об Артемово колено, заглянула ему в рот. Пар над кружкой простыл, чай затянулся пенкой. И внутри у Артема стало все пенкой затягиваться. Он бросил чашку, посмотрел вперед. Там был этот старик.

– Вот такая история, дедуль.

– Мне... Я... Извините.

– Зря шел, а? Потомки такому не обрадуются. У кого будут.

– Не зря.

Артем цыкнул зубом: упрямый какой старикан.

Стащил свою задницу со скамейки, поволок ее вон из кухни: завтрак окончен, теперь нужно трудовую повинность отработать. Гомер прилепился сзади.

– А о чем, простите... Вы там... О чем эта девушка говорила? Антенна... Радиолобитель... Не мое, разумеется, дело, но... Вы наверх поднимаетесь, да? Радио слушаете?

– Поднимаюсь и слушаю.

– Надеетесь найти других выживших?

– Надеюсь найти других выживших.

– И как успехи?

В его голосе Артем не услышал никакой издевки. Просто любопытствовал человек, как будто Артем занимался чем-то совершенно обычным. Допустим, окорока вяленые на Ганзу возил.

– Никак.

Гомер покивал ему, нахмурился. Собрался что-то рассказать, но передумал. Пособолезнует? Попытается вразумить? Притворится заинтересованным? Артему было плевать.

Дошли до загона с велосипедами.

Грибы Артем не любил за то, что Аня их любила; поросей – за вонь, которую он тут один чувствовал. И договорился: как героя – от этого освободили. Но тунеядцев на ВДНХ не кормили. Отдежурил в туннеле на блокпосту – отработай еще и на станции. И Артем выбрал велосипеды.

Их было четырнадцать – в ряд, рулем к стене, на стене – плакаты. На одном плакате – Кремль и Москва-река, на другом – поблекшая чья-то красота в розовом купальнике, на третьем – небоскребы Нью-Йорка, на четвертом – заснеженный монастырь и православные праздники на календарной сетке. Выбирай настроение, крути педали. Велосипеды стоят на распорках, от колес – ремни идут к динамо-машине. На каждом маленький фонарик приделан, светит слабо на сегодняшнюю твою плакатную мечту. Остальное электричество – в аккумуляторы, станцию питать.

Велосипеды стояли в заваленном южном туннеле, чужих к ним не подпускали: стратегический объект. Старик сюда еще, кажется, не заглядывал.

– Со мной, – неведомо зачем махнул охраннику Артем, и Гомеру дали пройти.

Артем оседлал ржавую раму, взялся за резиновые рукояти. Впереди замаячил выщипанный у ганзейских книготорговцев Берлин: Бранденбургские ворота, телебашня, и черная скульптура женщина с поднятыми к голове руками. Ворота эти, понял Артем, очень были похожи на вход на ВДНХ, а берлинская телебашня, хоть и был у нее посередине шарообразный нарост-пузырь, напоминала Останкинскую. И вот эта статуя женщины – то ли кричащей, то ли уши зажимающей... Будто и не уезжал никуда.

– Не хочешь прокатиться, дед? – обернулся к Гомеру Артем. – Для сердца полезно. Дольше протянешь. Тут.

Но старик не отвечал – стеклянно смотрел на то, как вращаются спущенные колеса, пытаясь уцепиться за воздух. Лицо у него было перекошено, как у паралитика: половина улыбается, половина омертвела.

– Все хорошо с тобой, дедуль? – спросил Артем.

– Да. Вспомнил кое-что. Кое-кого, – Гомер хрипнул, прочистил горло, оправился.

– А.

У всех есть, кого вспомнить. По триста теней на человека. Только и ждут, чтобы ты о них подумал. Расставят свои силки, установят растяжки, лесочки протянут, паутинки – и ждут. Кому велосипед бесколесый напомнит, как детей учил по двору ездить, кому чайник засвистит – точь-в-точь как у родителей на кухне, когда по выходным в гости приходил обедать и делиться жизнью. Моргнешь – и в этот самый миг между сейчас и сейчас вдруг глаза видят вчера, и видят их лица. С годами, правда, все хуже видят. И ладно.

– Откуда ты про меня узнал?

– Слава, – улыбнулся Гомер. – Все знают.

Артем скривился.

– Слава, – выплюнул он это слово обратно.

– Вы же метро спасли. Людей. Если бы вы тех тварей тогда ракетами не... Я не понимаю, если честно. Почему вы не хотите рассказывать об этом?

Впереди были: телебашня, ворота на ВДНХ, черная женщина с воздетыми руками. Надо было на другой велосипед залезать, но другие все уже были заняты, и Артему достался именно этот. Артем хотел бы крутить педали в обратном направлении, назад, прочь от башни, но так электричество не вырабатывалось.

– Я от Мельника о вас услышал.

– Что?

– Мельник. Знаете его? Командир Ордена. Про Орден-то вы, конечно, осведомлены? Спартанцы... Вы же сами, насколько я понимаю, состояли в нем... раньше?

– Вас Мельник ко мне отправил?

– Нет. Мельник рассказал просто. Что это вы им сообщили. Про черных. Что вы через все метро прошли... Ну и я сам уже потом... Стал раскапывать. Что мог. Но тут все равно много неясного. Понял, что без вас толком не разобраться, и решил...

– Он еще что-нибудь говорил?

– А? Кто?

– Мельник еще что-нибудь говорил про меня?

– Говорил.

Артем перестал крутить педали. Перемахнул через раму, спрыгнул на пол. Скрестил руки на груди.

– Ну?

– Что... Что вы женились. Что зажили нормальной человеческой жизнью.

– Так он сказал?

– Так и сказал.

– Нормальной человеческой жизнью, – Артем улыбнулся.

– Если я ничего не путаю.

– А что это на его дочери я женился, не уточнил?

Гомер покачал головой.

– Все?

Старик пожевал. Вдохнул. Признался.

– Сказал, что у вас случилось помешательство.

– Ну конечно. У меня.

– Я просто передаю, что слышал...

– Больше ничего?

– Кажется...

– Что убить меня собирается, например? Из-за дочки... Или...

– Нет, ничего такого!

– Или обратно ждет... В строй?

– Не припомню...

Помолчал, переварил. Вспомнил, что Гомер все еще тут, изучает его.

– Помешательство! – Артем хохотнул как получилось.

– Я так не считаю, – предупредил его Гомер. – Кто бы что ни говорил, я совершенно убежден, что...

– Откуда вам-то знать? Тебе?

– Только потому что вы продолжаете искать выживших? Только потому что вы не хотите сдаваться – считать вас сумасшедшим? Слушайте, – старик глядел на Артема серьезно. – Вы же гробите себя ради людей, и я, честное слово, не понимаю, почему они к вам так.

– Каждый божий день хожу.

– Наверх?

– Каждый день – по эскалатору на поверхность. Потом до этой высоты. Пешком – на крышу по лестнице. С ранцем.

Велосипедные соседи запришлушивались, замедлили свою гонку.

– И да! Ни разу еще не слышал, чтобы ответили! И что? Что это доказывает?! – Артем уже не Гомеру кричал, а всем этим гребаным велосипедистам, мчащимся в стену, в землю. – Ничего это не доказывает! Как вы не чувствуете?! Должны быть еще люди! Должны быть еще города! Не можем мы в этой дыре, в этих пещерах быть – единственными!

– Да хорош ты, Артем! Задрал уже! – не выдержал парень с долгим носом и мелкими глазками. – Всех же разбомбили америкосы! Ничего нет! Что ты страдаешь все?! Они нас, мы их, точка!

– А если мы и не единственные? – как бы сам у себя поинтересовался Гомер. – Если я вам скажу, что...

– Лазает туда, как на работу! Сам фонит и других облучает! Труп ходячий! – парень никак не мог остановиться. – Нас еще потравить всех тут надо теперь?!

– Если я вам скажу, что есть... Выжившие? Если скажу, что сигналы из других городов были? И что их перехватывали?

– Повтори.

– Были сигналы из других городов, – твердо сказал Гомер. – Их ловили. Разговаривали.

– Врешь.

– Я знаю сам человека, который вел радиообмен...

– Врешь.

– А если он сейчас перед вами стоит? Что тогда скажете? – Гомер подмигнул Артему. – А?

– Что крыша у тебя съехала, дед. Или что нарочно врешь. Врешь ведь? Врешь?!

Глава 3

Труба

На станции потолки были невысокие, под людей. Но перегоны строили не для них: от стены до стены пять метров, и от потолка до пола столько же.

Далеко, на другом конце метро обитали дикие, верившие, что туннели это ходы, прорытые в тверди Великим Червем, богом, создавшим Землю и родившим из своего чрева людей; а уже люди только потом отреклись от своего Творца, приспособили эти ходы под свои надобности, а вместо Червя построили себе из железа поезда и стали врать себе, что они и были изначально, а никакого Червя не было. Почему бы в такого бога не верить? Он к подземной жизни больше приспособлен.

Туннели были темные, страшные, они сочились ручейками грунтовых вод, которые в любую секунду могли прорвать чугунную чешую тубингов и заглотить целые линии. От ручейков шла испарина, и холодный туман не давал далеко проникать свету от фонарей. Туннели не были созданы для человека, это точно, а человек не был создан для туннелей.

Даже тут, всего в трехстах метрах от станции, было жутковато. Чтобы заглушить шепчущую жуть, люди болтали.

Костер – недосушенные поленья – немного смолил.

Туннель, конечно, был живой: он дышал с присвистом, втягивал дымок от костра своими дырявыми легкими с наслаждением, будто курил. Дым вился, улетал вверх и пропадал в заросших трахеях вентиляционных шахт.

Поодаль книзу стояла дрезина на ручных рычагах, на которой смена сюда и прибыла. До станции – триста метров. Если пойдет кто из северной черноты на ВДНХ, дозор должен принять удар на себя и, если придется, полечь, а на станцию отправить одного человека, «уцелевшего». Предупредить. Чтобы дети успели попрятаться, а женщины чтобы успели взять оружие и вместе с мужьями загородить собой вход.

Это работало всегда: потому ВДНХ и была до сих пор, два с лишним десятилетия как, обитаема. Но в последнюю пару лет тут кто если и появлялся, то разве по недоразумению. Последняя страшная угроза и станции, и всему метро – черные – стинули, уничтоженные ракетным штормом, как раз два года тому.

И каждый на Выставке помнил, кто спас людей от этих тварей: Артем.

Теперь к северу от ВДНХ шла только цепь отмерших, пустых станций, первой из которых был Ботанический сад. Сад лежал мелко, к поверхности совсем близко, и гермоворота, которые должны были отсекал мир сверху от мира снизу, там были распечатаны и сломаны. Жизнь на Ботаническом саду была невозможна, а что начиналось за ним, людям было неинтересно. Поэтому край земли проходил ровно по тому месту, куда доставал свет от костерка. А дальше шел космос.

Отгороженные от вакуума мешками с песком, сваленными в брустверы, сидели дозорные. Опирались друг на друга «калаши», составленные пирамидой. На огне грел пузо битый закопченный чайник.

Артем расположился к костру лицом, а к туннельной пустоте – затылком. Сюда же, рядом, посадил Гомера, которого специально привел в эту тихую пустоту; не хотел слушать его рассказ там, на велосипедах, при всех. Совсем без свидетелей не получится, пусть их хоть поменьше будет.

– Зря к трубе спиной! – цыкнул ему Левашов.

Но Артем сейчас верил этому туннелю. Научился его ощущать.

Остальные так расселись, чтобы не сводить глаз с туннельной пасти. Гомеру сказано было вещать негромко, чтобы не возбуждать остальных; но Гомер негромко не умел.

– Полярные Зори этот городок называется. Находится на Кольском полуострове. Рядом – АЭС, причем учтите – в рабочем состоянии. Запас хода у станции – лет сто еще! Потому что всего один город питает. А город они превратили в крепость. Частокол построили из бревен, прочие укрепления. Оборону наладили прилично. Военные части рядом были, охраняли АЭС, из них набрали гарнизон этих Полярных Зорь. Вокруг места гиблые, Север. Но эти держатся. Станция им и свет, и тепло дает – для хозяйства. Так что...

– Что ты изобретаешь-то, а? – крикнул с того края Левашов: глаза красные, уши мясистые, а еще и усы кое-как растут, кверху. – Какие на хер зори еще! Да за Ботаничкой дальше по трубе никого, кроме собак бродячих нет! Мало нам одного пришепнутого, второй нарисовался!

– У них клуб теперь будет тут свой, – подмигнул Арменчик, ногтем цепляя между зубами застрявшее поросычье волокно. – Клуб мечтателей и романтиков «Алые паруса».

– Кто этот сигнал принимал? Кто с ними говорил? – Артем смотрел старику в бороду, в шевелящиеся губы, как глухой, читая.

– Я... – заново начал Гомер. – Я сам из тех мест. Архангельский. Так же вот все надеялся найти, может из моих кто остался. Слушал... Искал. Нашел-таки. Архангельск, правда, мой молчит. Зато Полярные Зори! Целый город, представляете? Наверху! Горячая вода, свет... Но самое интересное – у них там прекрасная электронная библиотека сохранилась. На магнитных носителях, на компакт-дисках. Вся мировая литература, кино... Понимаете? Электричество-то есть, сколько угодно...

– Какие волны? Какая частота? – врезался в его уютное повествование Артем.

– То есть, это такой своеобразный Ноев Ковчег. На котором, правда, не каждой твари по паре спаслось, а вся культура нашей цивилизации... – как будто и не слыша, продолжал токовать старик.

– Во сколько был контакт? Как часто? Где у тебя точка стояла? Какое оборудование? С какой высоты удалось сигнал поймать? Почему у меня тогда не выходило?!

Старик ожидал беседы, а не допроса: уютной беседы у костерка. Но Артем слишком уж хотел этой минуты, чтобы на розовые сопли ее тратить. Первое: убедиться, что это правда.

Артем и сам все знал про миражи, которые маячат в той пустыне, наверху. Нет, ему не любоваться на них нужно, а дотронуться, поверить.

– Ну! – он не отпускал, давил; нельзя было старику дать выскользнуть. – Вспоминай точно! Почему у меня больше не получается?!

– Я... – Гомер причмокивал и размышлял, уводил глаза в темноту; но сдался наконец. – Не знаю.

– Как – не знаешь? Как ты можешь такое – не знать?! Если ты сам их сигнал ловил?! Постеснялся – и признался, сволочь.

– Это не я ловил. Встретился мне просто человек. Радист. Он рассказал.

– Где? Где встретился? Какая станция?

Старик повздыхал еще.

– Театральная, кажется. Театральная.

– У черта в пекле, то есть? Думаешь, побоюсь сам пойти и проверить, а?

– Ничего такого я не думаю, молодой человек, – этак он с достоинством.

– Когда?

– Лет пару назад. Не помню.

Не помнит.

Единственный раз, когда Артем в прорехах между шипением и воем эфира услышал далекий и слабый чей-то голос – навсегда запечатлелся у него, а голос этот и сейчас, стоит прислушаться, в ушах звучит, как высохшее давно море – в раковине. Как такое можно забыть?

Как можно все свою подземельную жизнь мечтать написать книгу для потомков, для следующих поколений, чтобы эти поколения знали, откуда взялись, чтобы не теряли мечту однажды вернуться наверх – и не помнить о таком в мельчайших деталях?!

И еще Театральная.

– Врешь, – убежденно сказал Артем. – Понравиться хочешь.

– Вы ошибаетесь. Я просто...

– Хочешь мне понравиться, чтобы я тебе выложил все. Всю свою долбаную историю. Решил купить меня, а? Нашупал нежное место – и р-раз крючком... Да?

– Вовсе нет! Это абсолютно реальный случай...

– Да иди ты!

– О, – трубно втянул соплю горбоносый Арменчик. – Мечтатели ругаются, чья мечта мечтательней.

Артем, обозленный на себя и на этого глупого старого враля, положил затылок на истыканный пулями песок и сжал веки. Сказочник гребаный. Только на душе короста нарастет – кто-нибудь придет и отковыряет.

Старик насупился и не собирался Артема переубеждать.

Да и хер бы с ним.

До конца дежурства они не обменялись больше ничем. Выходя на станцию, Артем даже переглядыванием со стариком не попрощался.

* * *

– Есть проверенная информация. Пойман сигнал с Кольского полуострова. Там есть выжившие! – Артем посмотрел на Кирилла многозначительно.

– Правда?!

– Правда!

Кирилл аж подскочил, так обрадовался. Не рассчитал с воздухом, и зашелся кашлем. Артем, зная, что будет, дал ему платок – приложить к губам. Кирилл, унявшись, оторвал платок, оглядел его испуганно и виновато. У Артема сердце прижало.

– Это все пройдет. Будешь еще крыс гонять! Подумаешь, чуть-чуть крови!

– Мамка ругается. Не показывай ей. Не покажешь, ладно?

– Ну ты что! Мы же с тобой – во! Команда! Ты меня не сдаешь, я – тебя!

– Поклянись Орденом.

– Клянись Орденом.

– Торжественно поклянись.

– Торжественно клянись Орденом.

Кирилл забрался к нему на колени.

– Давай. Рассказывай.

– В общем, – начал Артем. – Есть точная информация. Пойман сигнал с севера. С Кольского полуострова. Там сохранилась совершенно нетронутой атомная электростанция. И при ней – город. Называется – Полярные Зори. Красота, а? Так что мы тут не одни. Понимаешь, Кирих? Не одни! Есть еще и другие выжившие! И мы их нашли! Ну?!

– Класс! – сказал Кирилл, лупая огромными бледными глазищами. – А это реально правда?

– Реально правда. И от этой электростанции столько идет тока, что хватает весь город держать в тепле круглый год. А над городом построен громадный стеклянный купол. Можешь себе представить?

– Не-а.

– Как стакан, только большой.

– Зачем?

– Чтобы тепло не уходило. Снаружи – снег, вьюга, а внутри – теплынь! Деревья цветут. Вон как в книжке твоей. И прямо сады фруктовые, яблоки там... Помидоры, кстати. Люди по улице в майках ходят. Цветы повсюду. Еды навалом. Сладостей там всяких. Игрушки – не то, что у тебя тут, гильзы стреляные одни. Разные игрушки.

Кирюха зажмурился, добросовестно стараясь все это себе представить. Перхнул пару раз с закрытым ртом, тихонько. Сдержался. Выдохнул протяжно. Наверное, не мог вообразить. Артем и сам не мог.

– А летом купол этот открывается – и живут они на свежем воздухе. Не под землей, а снаружи, в домах с окнами. В окна другие дома видно, или лес, например. Так живут. На чистом, на сухом, на свежем. Под солнцем прямо. И в таком воздухе ни один микроб спастись не может, вседохнут. Ну и люди прямо без противогазов ходят по улице.

– Все микробы? И тубердохнет? – Кирилл разом очнулся.

– Все. Тубер в первую очередь.

– Что, туда просто надо приехать и подышать без противогаза, чтобы вылечиться?

– Думаю, да, – сказал Артем. – Да. Это тут, в туннелях, в духоте, в сырости, туберу раздолье. А на свежем воздухе – сразу смерть.

– Уау! Надо мамке сказать! Вот она обрадуется! А ты туда поедешь?

– Но эти Полярные Зори далеко очень. Туда так просто не доехать. Надо сил подкопить.

– Я подкоплю! А сколько нужно? – Кирилл подпрыгнул у Артема на колене.

– Много нужно. Туда знаешь, сколько ехать надо? На вездеходах, наверное... Полгода! По поверхности. По лесам, по болотам. По дорогам разрушенным.

– Ну и что? Я доеду!

– Не, я тебя с собой не возьму, наверное. Поеду только с другими бойцами Ордена.

– Это почему, а?!

– Мать говорит, ты не ешь ничего. Такой хлюп нам не нужен с собой в экипаже вездехода. Одна обуза. А путь непростой. Препятствия всякие. Чудовища на каждом шагу. Приключений придется тьму пережить. А как ты их переживешь, если ты не жрешь ничего? В первом же приключении и загнешься! Нет, нашему Ордену бойцы нужны, а не дистрофики.

– Я эти грибы видеть не могу больше, Тем! Бээээ...

– А овощи? Мамка тебе овощи вон достала. Помидор видел? Этот помидор к тебе с Севастопольской ехал через все метро.

– Фу.

– Точно такой же помидор, между прочим, как те помидоры, которые в этих Полярных Зорях на улицах в садах растут. На-ка, попробуй. В нем витаминов целая тонна.

– Ладно, помидор уж съем. Если там такие же растут.

– Сейчас давай хряпай его. При мне.

– А ты тогда рассказывай пока еще про эти зори и про купол как стакан.

Кирюхина мать, Наталья, стояла снаружи, через брезент слушала все, каждое слово. Через лицо у нее бегали тени, пальцы обнимались меж собой.

– Заставил его съесть помидор, – улыбнулся ей Артем.

– Зачем ты ему про эту ерунду свою? Он же меня изведет теперь ей, – Наталья не стала отвечать на улыбку.

- Почему ерунда сразу? Может, и есть эти Полярные Зори. Пусть воображает.
- Вчера доктор был. С Ганзы приехал.

Артем забыл, какое слово хотел выговорить следующим. Побоялся угадывать, что сейчас Наталья ему сообщит, и просто ничего не думал. Старался ничего не думать, чтобы не сплзнуть.

- Месяца три ему осталось. Все. Полярные Зори твои.

Рот у Натальи съехал, и Артем понял, что это у нее в глазах было все время, пока они говорили.

- И что, совсем ничего?..

Пленка. Высохшие слезы.

- Маааам! Меня Артем с собой на вездеходе на Север возьмет! Ты отпустишь?

* * *

Он думал, Аня спит уже; или притворяется, что спит – как обычно, только бы избежать его. Но она сидела на постели, подтянув под себя по-турецки голые ноги, и обеими руками, будто боялась, что отнимут, держала полулитровую пластиковую бутылку с чем-то мутным. Несло спиртом.

- На, – протянула она ему. – Глотни.

Артем послушался, ожегся сивухой, задержал дыхание, проморгался. Чуть повело, чуть согрело. Теперь что?

- Сядь, – Аня похлопала по одеялу рядом с собой. – Сядь, пожалуйста.

Он опустился там, где она показала ему.

Вполоборота глянул на нее.

Майка простая с бретельками.

На руках пух поднялся дыбом – от холода?

Такая же, как два года назад. Волосы черные острижены коротко, под мальчика. Губы тонкие, бледные. Нос чуть великоват для этого тонкого лица, с горбинкой, но без нее было бы и пресно, и скучно. Руки все сплетены из жгутов, как у анатомической модели, никакой девичьей мягкости в них; и плечи – в мускулах, как в погонах. Шея долгая, артерия бьется быстро, и позвонок ее этот вот... Ключицы выпирают; раньше ее за эти ключицы хотелось и любить, и жалеть, и терзать до иссушения. Острые соски сквозь ткань белую. Почему лампочка сначала горит, а потом перегорает?

- Обними меня.

Артем протянул руку, пристроил ее неловко Ане на плечо: не то по-братски, не то как ребенка приобнял. Она подалась к нему, как если бы хотела прильнуть; но все жгуты в ней остались натянуты, скручены. И Артем тоже не мог раздеревенеть; сделал еще глоток в надежде.

И сказать он ничего правильного не умел: отвык.

Аня прикоснулась к нему. Потом провела губами по щеке.

- Колючий.

Артем взболтал муть в пластиковой бутылке, проглотил сразу много. В голове крутились север и вездеход.

– Давай... Давай попробуем, Артем. Давай еще раз попробуем. Мы должны. Еще раз. Все заново.

Она пустила пальцы – холодные, жесткие – ему за ремень. Ловко расцепила пряжку.

- Поцелуй. Ну. Поцелуй.

- Да. Я...

- Иди ко мне.

- Подожди... Сейчас.

– Ну что ты? Сними... Сними с меня... Тесно. Да. И это сними. Хочу, чтобы ты меня раздел. Ты.

– Аня.

– Ну? Вот... Ссс... Холодно.

– Да. Я...

– Иди сюда. Вот... И ты тоже... Давай... Давай... Эту рубашку мерзкую...

– Сейчас. Сейчас.

– Вот. Боже. Дай глоток.

– Держи.

– А. Ах. Ну... Вот сюда. Вот сюда. Как раньше ты делал. Помнишь? Помнишь еще?

– Ань... Анечк...

– Ну что ты там?.. Ну?

– Ты... Ты такая...

– Не надо так долго. Давай.

– Отвык... Прости...

– Дай, я... Почему ты?.. Дай мне.

– Аня...

– Ну? Ну! Иди... Вот сюда... Чувствуешь?

– Да... Да.

– Мне так давно. Ты совсем... Почему ты?.. Ты не понимаешь? Мне нужно. Тебя. Ну?

– Сейчас. Я сейчас. Просто... Просто такой день...

– Замолчи. Молчи. Дай, я попробую... Просто лежи.

– Я сегодня...

– Заткнись. Закрой глаза и заткнись. Вот. Вот. Ну... А теперь... Теперь просто... Ну что ты там? Что?!

– Я не знаю. Не получается.

– Ну?!

– Черт знает. Нет. В голове всякое...

– Какое? Что там у тебя в голове?

– Извини.

– Отойди. Уйди!

– Ань...

– Где майка моя?

– Постой.

– Майка где моя?! Мне холодно!

– Ну что ты... Зачем ты так. Это не в тебе дело, не из-за тебя...

– Все, хватит. И хватит корчить тут страсть.

– Неправда...

– Отвали, слышишь?! Отвали!

– Хорошо. Я...

– Где трусы эти гребаные?! Все. Не хочешь – и не хочешь. Или у тебя там отсохло все? От облучения?

– Нет, конечно, что ты...

– Ты просто не хочешь со мной... От меня...

– Говорю тебе... День такой.

– Они потому и не получают у нас, что знают: ты их не хочешь, ты их не ждешь!

– Неправда!

– Я... Артем! Для тебя! Ушла. С отцом – вдрызг... Из-за тебя. Он после этой войны, после боя... С красными... В коляске – он! Ноги не ходят... И руку оттяпали... Ты хоть пони-

маешь, что это для него?! Инвалидом быть! И от него, от отца своего – к тебе. Против него! Против его воли!

– А что тут сделаешь? Он меня вообще за человека... Я ему всю правду хотел... А он... Это он не хочет, чтобы мы с тобой, я-то тут что?

– Чтобы твоих детей, понимаешь – твоих! Бросила... Перестала наверх ходить! Чтобы – здоровье... Эти все органы женские... Как губка... Фон... Ты же знаешь! Грибы эти проклятые... Чтобы тут за свою сойти... На этой станции твоей! Думаешь, я так себя... Так свое будущее?! От службы отказалась! Свиной баюкать! Ради? Ради чего?! А ты – ты продолжаешь! Ни на день не перестал! Все себе там сжег же уже! Ты понимаешь?! Может, у нас поэтому и не получилось! И не получается! Я сколько просила тебя! Отец твой сколько тебя просил!

– Сухой вообще...

– Ты для чего это?! Ты просто не хочешь их, да? Не любишь просто детей, да?! Не хочешь от меня! Вообще не хочешь! Тебе насрать на это на все, ты только мир спасти горазд! А я? А меня?! Вот – я! Ты меня отпускаешь! Ты теряешь меня! И ты хочешь меня потерять, да?

– Аня. Зачем ты...

– Я больше не могу. Не хочу больше. Не хочу ждать. Не хочу секс кланчить. Не хочу мечтать залететь. И не хочу бояться, что если я залечу от тебя наконец, то урод родится.

– Все! Заткнись!

– А у тебя родится урод, Артем! Ты тоже – как губка! Тебе каждый твой поход наверх аукнется! Ты не понимаешь этого?!

– Заткнись, сука!

– Уходи. Уходи, Артем. Уходи совсем.

– Я уйду.

– Уходи.

Это все – шепотом. Шепотом – крик, шепотом – стоны. Шепотом – слезы.

Беззвучно, как у муравьев.

А все соседи – притворяются, что спят.

И все все знают.

* * *

Костюм химзащиты поместился в баул как раз. Сверху Артем уложил табельный «калаш», который со станции выносить запрещалось, патроны – шесть рожков, смотанных синей изолентой по два, и пакет сушеных грибов. Противогаз мутно паялился на него, пока Артем не застегнул его «молнией» – рвано, насильно – как опостылевшего мертвого в мешке. Потом взвалил на плечи ранец – свое проклятие, сизифов камень.

– Дед! Вставай! Собирайся! Не шуми только.

Старик будто спал с открытыми глазами – очнулся тут же.

– Куда?

– Ты правду мне про Театральную сказал? Про радиста своего? Что он – там?

– Да... Да.

– Ну что... Проводишь меня туда?

– На Театральную? – Гомер замешкался.

– А ты все же думал, я сдрейфлю, а? Дудки, дедуль. Это для кого другого, может, преисподняя. А для нас – места боевой славы. Ну? Или ты врал все?

– Не врал.

– Идем со мной на Театральную. Я должен этого человека твоего сам увидеть. Сам. И все у него спросить. Я хочу, чтобы он меня научил. Пусть даст свой приемник... Чтобы я поверил.

– Это ведь два года назад...

– Давай договоримся с тобой. Ты меня ведешь к этому радисту, а я тебе – обо всем, что ты хотел спросить. Как на духу. Черные, желтые, зеленые, по вкусу. История моего героического подвига. Тебе расскажу то, что другим не рассказывал. Всю гребаную греческую трагедию от альфы до омеги. Идет? Честное слово. Ну? Дай пять.

Гомер протянул ему руку – медленно, с сомнением, словно думал – не плюнул ли Артем себе в ладонь – но пожал крепко.

Пока старик складывал белье в дорожную сумку, Артем занимал себя самозарядным фонариком: сжимал и разжимал рукоять, слушал жужжание механизма, наполнял аккумулятор. Интересовался только им. Потом прервался.

– Объясни мне. Вот эта книга твоя. Она зачем?

– Книга? Ну так получается, что мы тут живем, а время остановилось, понимаете? Нет историков, и некому записать, что мы тоже жили, и как, и выходит, что как бы зря наша жизнь идет. А ведь это неправда, – Гомер застыл, в руках – скомканная серая наволочка. – Вот раскопают нас через десять тысяч лет, а мы ни одной строчки не написали. Будут по костям гадать, по мискам, в кого мы верили и о чем мечтали. И все перевернут.

– Кто раскопает, дед?

– Археологи. Наши потомки.

Артем помотал головой. Облизнул губы, попробовал сдержать кипучую злобу в себе, но – как желчью вырвало, самого обожгло:

– А я, может, не хочу, чтобы нас с тобой раскапывали тут. Не хочу быть костями и мисками в братской могиле. Пусть это я буду раскапывать, а не меня. Тут и так достаточно желающих всю жизнь в кургане скоротать. Я лучше наверху от передоза ласты склею, чем в метро до седин досиживать. Это не человеческая доля, дед. Не людская. Метро. Потомки, блядь. Потомки! Я не хочу, чтобы мои потомки торчали всю жизнь под землей. Чтобы мои потомки – собой туберкулезных бацилл кормили?! Не хочу! Чтобы они за последнюю банку консервов друг другу глотки резали? Не хочу! Чтобы вместе со свиньями хрюкали и валялись?! Ты для них пишешь книгу, дед, а они и читать-то не смогут! У них глаза отсохнут за ненужностью, понимаешь ты?! Зато чутье будет, как у крыс! Это не люди будут! Таких плодить?! Да если хоть один шанс на миллион есть, что где-то там, хоть где-нибудь еще – можно жить наверху, под небом со звездами, под солнцем, если хоть где-нибудь в этом гребаном мире можно дышать не хоботом, а просто ртом – я это место найду, ясно?! Вот будет такое место – тогда да! Там можно будет новую жизнь строить! Там – детей рожать! Чтобы они росли – не крысами, не морлоками, а – людьми! За это надо – драться! А заранее, прижизненно в землю закопаться, калачиком свернуться и тихонько-смирнехонько околеть – нельзя!

Гомер, облученный им, оглушенный, ничего не говорил. А Артем хотел, чтобы старик поспорил, ему нужно было крепко врезать еще разок хотя бы. Но дед вместо этого взял и улыбнулся ему – честно, тепло; и полубеззубо.

– Не зря шел. Чувствовал же, что не зря.

Артем только плюнул. Но это он яд сплюнул, желчь; от щербатой стариковской улыбки ему почему-то стало легче, отпустило. Нелепый дед, неловкий – а вдруг такое чувство, что он с Артемом – заодно. Тот тоже ощутил похожее и совсем уже по-пацански, молодо махнул Артему:

– Готов.

Через станцию они шли крадучись. Станционные часы, висящие над провалом туннеля, святыня местная, показывали: ночь. Значит, для всех была ночь. С ними тут только Артем мог бы поспорить, но Артем со станции уже уходил. Зал почти опустел, только на кухне кто-то поздний гонял чай. Багровое общее освещение было приглушено, люди расфасовались по своим палаткам, зажгли изнутри слабые светодиодики и превратили брезент в театр теней.

На каждой из сцен давали свой спектакль. Миновали палатку Сухого – склоненный над столом силуэт; прошли ту, где сидела, спрятав лицо в колени, Аня.

Старик осторожно спросил:

– А что, попрощаться не хочешь?

– Не с кем, дедуль.

Гомер спорить не стал.

– До Алексеевской! – заявил Артем караульным на выходе в южный туннель. – Сухой в курсе.

Те козырнули: в курсе, так в курсе. Спасибо, что не наверх опять.

По приваренной железной лесенке они спустились на пути.

– Труба, – сам себе сказал Артем, вступая в тьму, нежно трогая шершавый и плесневелый чугун тюбинга, измеряя взглядом пятиметровый потолок туннеля и его неизмеримую глубину. – Труба зовет.

Глава 4

Оплата

Алексеевская походила на ВДНХ, только в паршивом исполнении. Тут тоже пытались растить грибы и тоже мыкались со свиньями, но грибы и свиньи назло выходили сплошь полудохлые, так что их алексеевским еле самим хватало, торговать не оставалось. Но местные были под стать своим свиньям – квелые, смирившиеся с тем, что в их сказке и начало, и конец скучные и известны всем наперед. Стены тут были раньше белые и мраморные, а сейчас уже не поймешь, какие. Что можно было отковырять и продать – отковыряли и продали. Остался бетон и немного человеческих жизней. Бетон выскрести было трудно, и никому такой товар в метро не сдался; так что основная торговля шла тем, за кого будут умирать в боях алексеевские. Был бы выбор – и цена была бы повыше. Но, кроме ВДНХ, покупателей не нашлось. И вот теперь главной целью существования станции метро Алексеевская было: охранять ВДНХ.

Поэтому южный, идущий к союзной Алексеевской, туннель на ВДНХ считался спокойным. Через иные туннели можно было пробираться неделю, а на этот Артем с Гомером даже со всеми обязательными предосторожностями потратили, может, всего полчаса. Хотя минуты остались там же, где и часы: на ВДНХ. На Алексеевской часы украли лет уже десять как, и с тех пор каждый там существовал по своему наитию. Кто хотел ночь – тому была ночь. В конце концов, ночь-то в метро и не заканчивалась, это день нужно было себе воображать.

Караул на ходоків взглянул без интереса; зрачки у них были с игольное ушко. Над постом зависло мутное белое облачко, пахло портянками: курили дурь. Старший тяжело вздохнул, стараясь.

– Куда.

– На Проспект Мира. На базар, – не пытаясь даже в это ушко влезть, произнес Артем.

– Не пустят. Там.

Артем тепло улыбнулся ему.

– Не твоя забота, дядь.

– Тангенс на тангенс дает котангенс, – отозвался старший, заражаясь Артемовой добротой и тоже желая сказать что-то приятное.

На этом и расстались.

– Как пойдем? – спросил у Артема Гомер.

– От Проспекта? Если впустят на Ганзу – то по Кольцу. Все лучше, чем по нашей линии вниз спускаться. Неприятные воспоминания, знаешь. Ганза верней будет. У меня виза представлена, Мельник выправлял еще. Тебя пустят?

– Там карантин ведь.

– У них вечно какой-нибудь карантин. Прорвемся как-то. Проблемы все потом начнутся. Театральная... Туда с какой стороны не подступись... Выбрал ты место, дед, чтобы своего радиста прописать. Посреди минного поля.

– Да что же...

– Шучу.

Старик поглядел себе как-то особо – в подлобье себе, вовнутрь, где у него была расстелена, видимо, карта метро. У Артема она всегда была перед глазами, он прямо сквозь нее научился смотреть. За год службы у Мельника научился.

– Я бы сказал... До Павелецкой лучше. Дальше, но быстрее. И оттуда уже по – зеленой вверх. Если повезет, можем и за день добраться.

И дальше – по трубе.

Вжикающий фонарик трудился, как мог – но светлое пятнышко от него доставало шагах только в десяти, а дальше его уже разъедала темнота. С потолка капало, стены блестели влажно, что-то утробно урчало, и падающие сверху на голову капли бередили кожу, как будто это не вода была, а желудочный сок.

Возникали в стенах какие-то двери, а иногда черные провалы боковых ходов – по большей части заколоченные и заваренные арматурными решетками.

На радужных пассажирских картах, известно ведь, не было обозначено и трети всего метро, настоящего. К чему людей смущать? Пронесся от одной мраморной станции к другой, уткнувшись в телефон, перескочил на час вперед – все, приехали. И не успел задуматься, на каких глубинах побывал. И поинтересоваться: а что там, за стенами станций, куда уводят зарешеченные ответвления из туннелей? Хорошо, что не успел. Смотри в телефон, думай о своем важном, не суйся куда не следует.

Шагали особым туннельным шагом – полуторным, куцым – так, чтобы ровно на шпалы попадать. Надо много пройти, пока ноги такому научишь. Те, кто на станциях сидит, так не умеют, сбиваются, проваливаются.

– Ну а ты, что, дед... Один?

– Один.

Весь свет уходил вперед, и не разобрать было, что там у старика на лице. Ничего, наверное: борода да морщины.

Прошагали еще с полста шпал. Ранец с рацией стал наливаясь тяжестью, напоминать о себе. Взмokли виски, спина потекла.

– Была жена. На Севастопольской.

– Ты на Севастопольской аж живешь?

– Раньше – да.

– Ушла? – почему-то Артему это показалось самым вероятным. – Жена?

– Я ушел. Чтобы книгу писать. Думал, книга важнее. Оставить после себя что-то хотел. А жена все равно не денется никуда. Понимаешь?

– Ушел от жены, чтобы писать книгу? – переспросил Артем. – Это вообще как? И она... Отпустила тебя?

– Я сбежал. Вернулся – а ее нет уже.

– Ушла?

– Умерла.

Артем перебросил баул с химзой из правой руки в левую.

– Не знаю.

– А?

– Не знаю, понимаю, или нет.

– Понимаешь-понимаешь, – устало, но уверенно сказал старик.

Артему было вдруг страшно. Страшно сделать что-то необратимое.

Дальше шпалы считали молча. Слушали урчащее эхо и далекие стоны: это метро переваривало кого-то.

* * *

Сзади опасности не ждали; вперед – всматривались, пытались засечь в туннеле, в колодце с чернилами, ту легкую рябь на поверхности, вслед за которой выхлестнется, вылезет наружу что-то жуткое, безымянное. А затылком – не глядели.

Напрасно.

Скрип-поскрип. Скрип-поскрип.

Тихонько так вкралось оно в уши, постепенно.

И заметно стало только тогда, когда уже поздно было оборачиваться и выставять стволы.
– Эу!

Если бы хотели их сейчас в спину свинцом толкнуть, положить лицом на гнилые шпалы, могли бы и успели. Урок: в трубе нельзя о своем думать, приревновать может. Забываешь, Артем.

– Стоять! Кто?!

Ранец и баул повисли на руках; помешали прицелиться.

Выкатила из темноты дрезина.

– Эу. Эу. Свои.

Это был тот караульный, котангенс. Один на дрезине, бесстрашный человек. Бросил пост и покатил в никуда. Дурь его погнала.

Какого черта ему нужно?

– Ребята. Я подумал. Подбросить, может. До следующей.

И он улыбнулся им обоим самой лучшей своей улыбкой. Щербатой и растрескавшейся.

Спина, конечно, просила ехать, а не пешком тащиться.

Изучил благодетеля: ватник, залысины, под глазами набрякло, но сквозь прокол зрачка – свет идет, как из замочной скважины.

– Почему?

– Обижаешь. Ты же Сухого сын, да. Начстанции. Я за так. За мир во всем мире.

Артем встряхнулся; ранец подпрыгнул и половчее оседлал его.

– Спасибо, – решил Артем.

– Ну дак! – обрадовался караульный и замахал руками, как будто разгоняя годами накуренный туман. – Ты же большой мальчик, сам должен понимать тонкости! Тут без штангенциркуля никак!

Он не затыкался до самой Рижской.

* * *

– Привезли нам говнеца?

Первым – вперед дозорных – их встречал остриженный скуластый парняга со свернутыми ушами. Глаза его были прорезаны чуть наискось, но цвета были цементного, как небо. Кожанка на нем не сходилась, а через распахнутую рубаху из-промеж кудрей и синих рисунков с креста смотрел спокойно и уверенно довольно крупный Иисус.

Между ног у парня было надежно зажато жестяное ведро, а через плечо висела сума, и он по этой суме похлопывал, чтобы она издавала соблазнительное позвякивание:

– Лучшую цену дам! – а звенело жиденько.

В прежние времена над этой станцией находился Рижский рынок, на всю Москву знаменитый дешевыми розами. После того, как завывли сирены, людям дали еще семь минут, чтобы понять, поверить, нашарить документы и добежать до ближайшего спуска в метро. И ушлые цветочники, которым тут было всего два шага, набились внутрь первыми, локтями распахивая прочих гибнущих.

Когда встал вопрос, чем жить под землей, они открыли герметические двери, растолкали навалившиеся снаружи тела, и вернулись на свой рынок за розами и тюльпанами; те пожухли уже, но для гербария были пригодны вполне. И обитатели Рижской долго еще торговали засушенными цветами. Цветы были подпорчены плесенью и фонили, но люди брали их все равно: ничего лучше в метро не найти. Ведь им надо было и любить дальше, и скорбеть; а как это делать без цветов?

На сушеных розах, на памяти о еще вроде только вчерашнем и уже бесповоротно сгинувшем счастье – Рижская расправила крылья. Но новых цветов растить под землей было нельзя:

цветы – не грибы, не люди, им солнце подавай. А рынок над станцией, хоть и казался неисчерпаемым, иссяк.

Кризис случился.

Рижанам, привыкшим уже к красивой жизни, полагалось бы перейти на урезанный рацион и вообще жрать крыс, как прочим бедолагам на обыкновенных и ничем не благословленных станциях. Но деловая хватка их спасла.

Поразмыслили над возможностями, оценили преимущества своего расположения, и предложили северным соседям сделку: выкупать излишки свиного навоза, чтобы дальше уже самим торговать им, сбывая как удобрение всем тем станциям, которые культивировали шампиньоны. На ВДНХ предложение приняли: этого-то добра там имелось в избытке.

И Рижская, угасающая уже, посеревшая от подступающей нищеты, обрела второе дыхание. Новый товар пах, конечно, не так, зато был надежней. А в нынешнюю трудную эпоху выбирать не приходилось.

– Ребят, вы что, пустые? – разочаровался в гостях стриженный парень, коротко втягивая носом воздух.

Тут подлетели, чуть припоздав, другие такие же с ведрами – гурьбой, наперебой выкрикивая:

– Говнеца!

– Говнеца нету? Хорошие деньги!

– Пульку за кило дам!

Платили тут, как и везде в метро, патронами от «калаша», единственной теперь твердой валютой. Рубли еще в самом начале потеряли смысл: чем их подкрепить в мире, где честное слово ничего не стоит и государства нет? То ли дело – патроны.

Купюры давно в папиросы скрутили и скурили; крупные ценились больше мелких – они почище были, углились лучше и смолили не так. Монетами играли дети победней, кому гильз не досталось. А настоящая цена у всего теперь была – в пулях, как любовно звали патроны.

Патрон за килограмм на Рижской – а где-нибудь на Севастопольской кило уже все три стоит. Не каждый этим делом, конечно, заниматься станет. Ничего: конкуренции меньше.

– Слышь, Лех, отвали! Я первый тут уапше! – смуглый вертлявый усач толкнул татуированного парня в Христа; тот окрысился, но отступил.

– Ты куда вылез, епт? Думаешь, в туннеле встретишь их – все говно твоё? – подскочил другой, сизощекий и лысый.

– Гля, че салага вытворяет!

– Ладно, мужики, вы че... Они порожные все равно!

– Дай проверю!

Нюх стриженного Леху с крестом не подвел. Котангенс ничего не вез.

Он развел руками добродушно, высадил Артема с Гомером:

– Тут мои владения заканчиваются!

И укатил обратно в темноту, насвистывая что-то невыносимое.

Дозор дежурно, по мере необходимости ознакомился с гостями и пропустил; поналетевшие торговцы рассосались. Остался только самый первый – Леха. Видно, самый голодный.

– Может, экскурсию, ребят? У нас туристам есть на что взглянуть. Поезд когда в последний раз видели? Гостиница у нас в нем. Номера – шик! С электричеством. В коридоре. Скидку пробью.

– Я тут все как свои пять пальцев, – по-хорошему объяснил Артем и двинул вперед; Гомер пошаркал за ним.

Рижская была сделана из двух счастливых цветов: красного и желтого, но чтобы обнаружить это, нужно было ногтем соскрести слой жира с плитки, которой станция была облицо-

вана. Один из туннелей был заткнут снулым метropоездом, приспособленным под общежитие. А через второй осуществлялась вся здешняя жизнь.

– А бар знаете наш? Только открылся. Брага – первый класс. Гонят, правда, тоже из...

– Не надо.

– Ну чем-то вам придется, ребят, себя тут развлекать. Проспект закрыт. Карантин. Прямо поперек рельсов ограждение, и автоматчики с собаками. Не в курсе, что ли?

Артем вздернул плечи.

– И что, нет способа? Наверняка можно же договориться?

Леха хмыкнул.

– Пойди, договорись. У них на Ганзе сейчас кампания. Борются с коррупцией. Как раз под раздачу попадешь. Тех-то, кто берут, отмажут потом. Свои ведь. Но сажать кого-то надо.

– А закрыли из-за чего?

– Грибная хворь какая-то. Гниль типа. Не то через воздух летит, не то люди разносят. Так что они пока поставили все на паузу.

– Преследуют меня просто, – под нос себе сказал Артем. – Не отпускают.

– А? – Леха наморщил лоб.

– Бомбил я эти грибы, – произнес Артем четко.

– Понимаю, – согласился Леха. – Унылый бизнес.

Мимо пронеслись несколько мужиков, громыхая жестяными ведрами. Леха дернулся было им вслед, но остановил себя. Определил, наверное, что с упрямыми туристами ему будет интереснее.

– Ваш-то бизнес повеселее, – заметил Гомер.

– Зря ты так, деда, – тот нахмурился. – Брокером не каждый может быть. Тут талант нужен.

– Брокером?

– Ну да. Как я. Как пацаны вон. Брокером. А как это, по-твоему, называется?

Гомер не мог даже предположить. Он был занят: старался не улыбнуться. Но уголки губ все равно тянулись кверху, как он их не насиловал.

И тут вдруг – Артем заметил – переменялся. Лицо у него стало холодное и испуганное, как у мертвого. Смотрел он мимо брокера – в сторону куда-то.

– Зря ты, – высказывал ему, оглохшему, Леха. – Говно, между прочим, это кровь экономики. Грибы-то на чем растут? Помидорки севаstopольские чем удобряют? Так что – зря.

А Гомер кивнул Лехе посреди фразы на любом случайном слове и бочком, бочком – пошел от него; и от Артема. Артем черкнул его траекторию глазами: увидел, но не понял.

В скольких-то шагах от них спиной стояла тонкая девушка с белыми волосами. Целовалась с мясистым и очень основательным брокером; тот, пока целуясь, сам незаметно ногой отодвигал в сторону свое ведро, чтобы то не отбивало очарования. Вот к ней и полз неуверенно Гомер.

– И что, думаешь, много мы на этом навариваем? – потеряв старика, Леха переключился на Артема.

Гомер подобрался к парочке и мучительно стал выбирать угол, под которым заглянуть милующимся в лицо. Узнал кого-то? Но вмешаться, выдернуть их из поцелуя не смел.

– Те чо? – складками на загривке ощутил его мясистый. – Чо те нада, старый?

Девушка, оторванная от поцелуя, имела лицо распаренное и скукоженное, как присоска у пиявки, которую с руки сняли. Это не то было лицо, не искомое, понял Артем за Гомера.

– Простите.

– Отвали, – сказала пиявка.

И Гомер, померкнувший, но еще не успевший успокоиться, примкнул опять к Артему с Лехой.

– Ошибся, – объяснил он.

Хотя Артем решил ничего не спрашивать: открутишь вот краник со старческими откровениями, а у него еще резьбу сорвет.

– Конечно, не могла... С таким бы ни за что... Дурак старый... – сказал тогда Гомер сам себе.

– А что, в ущерб себе работаете? – спросил Артем у Леха.

– Ущерб не ущерб... Ганза с каждой поставки половину снимает пошлинами. А теперь вообще... С карантинном с этим.

Ганзой называл себя союз станций Кольцевой линии. Транзит любых товаров из всех концов метро шел через ганзейские рынки и сквозь ее таможи. Многие челноки, чем пробираться, рискуя шеей, через все метро, предпочитали довести свое добро до ближайшего базара на пересечении кольца с радиальными ветками и отдать все местным дельцам. И выручку спокойней было оставить тут же, в одном из банков Ганзы, чтобы не отрезали за нее голову в темных туннелях лихие люди, подглядев удачную сделку. Тех, кто упрямо шествовал и тащил мимо свой товар сам, все равно облагали сборами. И как бы ни жили прочие станции, Ганза богата. Во всем метро никто ей был не указ. И граждане ее были этим горды и счастливы; а все остальные мечтали получить ее гражданство.

С середины платформы видна была уходящая в перегон очередь из грузовых дрезин, которых на Рижскую не пускали: брокеры на то были и брокеры, чтобы наперегонки купить товар в северном туннеле и продать в южном. Дальше им кормились уже другие люди.

– Вся коммерция встала, – пожаловался Леха. – Душат предпринимателя, гниды. Монополисты гребанные. Занимается человек честно своим делом, нет же! Кто вот им дал право на нас наживаться? Я спину буду гнуть, а у них брюхо расти будет? Это же угнетение, блин! Дали бы свободно нам торговать, все метро б расцвело!

Артему вдруг стало симпатично, несмотря и на аромат. Захотелось поддержать этот смешной разговор.

– У Ганзы и так нормально все, – сказал он, вспоминая. – Был случай. Пришлось работать на Павелецкой. На кольцевой. Разгребать нужники. К году работ приговорили. Через неделю сбежал.

– Считаю, крещение прошел, – кивнул Леха.

– Они все это добро – в выгребные ямы и в шахты. Не снисходили до торговли.

Леха невесело ухмыльнулся.

– Богато живут.

Достал портсигар с нарезанной бумагой, кисет с куревом. Угостил. Гомер отказался, Артем взял. Пристроился к болтающейся под потолком лампочке, уткнулся в буквы, прежде чем закатать в них самопальный «табак». Желтая книжная страница, буквы пропечатаны старательно, оторвана руками, и оборвана по тому краю, который нужен, чтобы самопал курить, а не для того, чтобы с пониманием читать – черт знает что:

И молодую силу тяжести:

Так начиналась власть немногих.

Итак, готовьтесь жить во времени

Где нет ни волка, ни тапира,

А небо будущим беременно –

Пшеницей сытого эфира.

А то сегодня победители

Кладбище лета обходили,

Ломали крылья стрекозиные...

И ровно крылья-то оборвали. Артем набил эти бесполезные буквы самопалом, свернул их аккуратно, послунывил, чтобы один конец с другим склеился, попросил огоньку. Леха чиркнул спиртовой зажигалкой, сделанной из пулеметной гильзы. Бумага горела вкусно, сладко. Курево было дрянным.

– А что, сильно на Проспект нужно? – щурясь сквозь дым, шепнул Леха.

– На Ганзу. Нужно, да.

– Визы проставлены?

– Есть.

Затянулись еще. Гомер закашлялся. Артему было все равно.

– Сколько готов заплатить?

– Скажи цену.

– Это не я, брат, цену говорить буду. Там другие люди решают. Я просто познакомить могу.

– Познакомь.

Леха предлагал еще выпить на посошок в истошно-веселом здешнем баре под вывеской «Последний раз», но Артем вспомнил, из чего гонят спирт.

За доставку и знакомство договорились на десять патронов. По-божески договорились, по-братски.

* * *

Санитарный кордон перечеркивал перегон перед самым въездом на Проспект Мира. Формально к Ганзе относились только кольцевые станции, а радиальные были вроде сами по себе; но это формально и это вроде. Потребовалось отсечь другие линии – отсекли в два счета.

Ганзейские пограничники в сером камуфляже тыкали людям в лицо белым острым светом своих фонарей, лаяли на них, требуя разворачиваться и возвращаться туда, откуда пришли. Как пугало сидел на шесте плакат «КАРАНТИН!» с портретом изъязвленного гриба. Говорить с челноками караульные отказывались, и даже взглядом с ними было не встретиться: закрыли глаза надвинутыми козырьками пятнистых кепи. Это укрепление разве что штурмом было брать.

Леха-брокер терся, искал под козырьками знакомых. Наконец поднырнул, шепнул что-то под один из них, вполоборота моргнул Артему, чикнул подбородком, указывая: давай сюда.

– Арестованы! – объяснила морда в кепке вскипевшей толпе, почему вдруг этих троих пропускают. – А ну, н-назад! Заразу занесете!

Повели их под конвоем через притихший Проспект: торговые ряды закрыты щитами, покупатели кордон осадили, всклокоченные продавщицы на граните придатки морозят, трещат о жизни, смерти и судьбе. И – почти темно: рынок не работает, свет нужно экономить. В другое время тут бы бурлило; Проспект Мира – место центровое, всякую всячину сюда везли со всех окрест. Одежда на любой вкус, лотки с книгами, мимо которых Артем раньше пройти не мог, смартфоны горелые кучей – а среди них вдруг и рабочий попадется, а в нем – фотографии, полноцветные, прямо из чьей-то памяти понадерганные... Приобрести? – разве чтобы чужих детей вспомнить; а позвонить по такому можно только в никуда. И оружие, конечно. Любое. Цена всему – в патронах. Лишнее продай, нужное купи, и катись себе дальше.

Конвой был строгий: чтобы Артем с Гомером не сбежали, смотрел внимательно. Дотолкали в спину до перехода с радиальной линии на Кольцо. Поставили ожидать у железной дверки в белокаменной стене.

Минут через десять позвали.

Пришлось пригнуться, потом еще раз, и снова: служебные помещения как для морлоков делали. Хотя то поколение, которое уже под землей родилось, было все недорослым, и ему бы тут как раз подошло по размерчику.

В маленькой комнатке заседали двое. У первого имелась внушительная ряха и очки, но не хватало волос; весь остальной организм его был спрятан куда-то в недра тяжелого полированного стола. Казалось, тут только есть одна совершенно автономная голова.

У второго человечка не имелось ничего интересного вовсе.

– Замначальника станции Проспект Мира-Кольцевая Рожин Сергей Сергеевич, – сказал неприметный, почтительно указывая на мордатого.

– Слушаю, – теперь солидно и басовито произнесла ряха.

– Дело такое, Сергей Сергеич. Мужикам нужно на Ганзу. Визы стоят, – попросил Леха.

Голова в очках ржаво, с натугой навелась на него своим набрякшим носом и шумно втянула воздух. Прочувствовав, исказилась судорогой. Видимо, в этот кабинет брокеров пускали нечасто.

– Вход на территорию Ганзы до дальнейших распоряжений это самое отказать и точка! – дал отзыв Рожин.

Стало неловко.

– И что, без вариантов? – хмуро спросил Артем, но Леха на него шикнул.

– Какие тут варианты подкуп должностного лица это самое немедленно сейчас раз и все и чтобы больше не сметь никогда ясно или нет! – грозно проговорила рожинская голова. – В то время как люди по всему метро вы просто не имеете права! Карантин на то и дан человеку чтобы а не то ситуация может выйти понимаете вы это или нет! И если мы тут поставлены чтобы блюсти то мы будем блюсти и блюсти до последнего потому что на карту поставлено сами знаете что! Меры фитосанитарного контроля! Сухая гниль между прочим! Этот разговор окончен!

Он замолчал и в комнате установилась тишина, как будто отказ был заранее записан на кассету; вот она доиграла до конца, щелкнула – и за ней уже никакой музыки.

Рожин жег Артема и Леху взглядом через толстые линзы своих очков, тишина копилась и копилась; будто от них чего-то ждали.

Прожужжала навозная муха – тяжелая, как бомбовоз. В кармане ее, что ли, Леха пронес?

– Значит, поверху пойду, – развел руками Артем. – Халтурщик ты, Алексей.

– Мои десять все равно мне...

– Зачем же поверху? – наконец подал голос неприметный человек. – Это небезопасно.

Он, в отличие от Рожина, за всю встречу не поморщился и не фыркнул ни разу. И вообще, видимо, морщился он редко. Лицо у него было гладким, черты – безмятежными, голос – баюкающим:

– Сергей Сергеевич высказал официальную позицию. Он ведь при исполнении. Его можно понять. И Сергей Сергеевич правильно обозначил проблему: наша задача – помешать распространению сухой гнили, опасной грибковой инфекции, которая поражает шампиньоны. Если у вас в голове созрел компромисс, обсудите его со мной. Ситуация серьезная. Сто патронов за троих.

– Я не с ними, – сказал Леха.

– Сто патронов за двоих.

Артем подсмотрел, что там с Рожиним: от такой крамолы его обязательно должны были поразить корчи. Но нет, заместитель начальника станции ничуть не пострадал, как будто неприметный человек издавал инфразвук, просто неслышный для его уха.

Сто патронов.

Три с лишним рожка – из шести, которые Артем захватил с собой. За одну только возможность пройти на Ганзу. А ведь это самое начало дороги. И все же... Все другие маршруты, включая и путь по поверхности, могли стоить им еще дороже – к примеру, головы.

Карта перед глазами: спуститься по Ганзе, проехаться на ее удобных, скорых маршрутах сразу до Павелецкой, а оттуда – по прямой уже, без трудностей и препятствий – сигануть до Театральной. И не нужно ступать за границу Красной Линии, и Рейх можно миновать...

– Идет, – сказал Артем. – Прямо тут доставать?

– Ну естественно, – ласково ответил неприметный.

Артем сбросил рюкзак, расстегнул баул, нашарил спрятавшиеся в барахле магазины, принялся выщелкивать тусклые островерхие патроны на стол.

– Десять, – он пододвинул первую партию к Сергею Сергеевичу.

– Ну что за бестактность! – расстроился неприметный; поднялся со своего места и забрал пульки себе. – Человек же при исполнении! Ну вы что? А я для чего, по-вашему?

К счастью, Сергей Сергеевич патронов не увидел.

Нахмурившись неприступно, он прочистил горло и принялся перебирать сваленные на столе документы, перекладывая их из одной стопки в другую. Теперь казалось, что он остался в кабинете один: присутствие всех прочих он вообще не мог как-либо зарегистрировать своими органами чувств.

– Восемь, девять, десять: сто.

– Все правильно, – заключил неприметный. – Спасибо. Вас проводят.

Леха одобрительно потрепал Христа.

– И чтобы больше не это самое! – заговорила голова Рожина. – Потому что должны быть какие-то принципы! И в такой трудный момент когда требуется солидарность! Сухая гниль! Безотлагательно! Всего доброго!

Гомер, всю эту встречу остававшийся от удивления немой, поклонился говорящей голове с подлинным почтением.

– Красиво, – сказал он.

– Всего доброго! – строго повторила голова.

Артем взвалил на плечи ранец; резко слишком взял, и зеленый железный бок выпростался из верхнего угла.

Сергей Сергеевич ожил и стал поднимать из-за стола короткое пухлое туловище, которое, по крайней мере, было.

– У вас не рация ли там это самое? Очень напоминает рацию армейскую в некотором смысле в плане проноса на территорию Ганзы!

Артем покосился на неприметного; но теперь, когда Рожин проснулся, тот, едва успев сгрести всю сотню патронов куда-то под стол, потерял всякий интерес к действительности и рассеянно вычищал грязь из-под ногтей.

– Спасибо! – возразил Артем и, подобрав баул, потянул Гомера на выход.

– Еще мне десяточек мой! – напомнил брокер, выметаясь за ними следом.

Сквозь хлопнувшую дверь Артем услышал бубнеж.

А на платформе их уже поджидали.

Не те камуфлированные караульные, которые их привели сюда. Люди в штатском, с раскрытыми книжечками, в которых из-за полумрака все равно не прочесть ничего.

– Служба безопасности, – корректно произнес один, высокий. – Майор Свинолуп, Борис Иванович. Сдайте, пожалуйста, оружие и оборудование связи. Вы задержаны по подозрению в шпионаже на Красную Линию.

Глава 5

Враги

Майорский кабинет оказался вполне уютен и даже больше напоминал холостяцкую квартиру. Сразу становилось ясно, что хозяин тут и ночует: угол задернут занавеской, но из-под занавески торчит краешком как-то по-домашнему кровать, небрежно застеленная синтетическим пледом. Ковер битый молью, с затейливым восточным узором, детали которого уже стали пропадать. В другом углу прилажена богатая икона: два тонких человека в красном, с печальными лицами и с хрупкими мечами в нежных долгих пальцах.

Отперев дверь, майор окинул комнату критическим взглядом, с оханьем подобрал брошенные в разных концах трогательные плюшевые тапочки, смущенно загнал их под стол.

– Прошу прощения за раскардаш. В спешке собирался.

Артем и остальные толклись пока в предбаннике. Прибравшись, Борис Иванович пригласил их внутрь. Но не всех.

– Брокер? – спросил он у Лехи с расстояния вытянутой руки.

– Брокер, – признал тот.

– погоди снаружи, друг. Отдельно поговорим. А то ведь я в этом кабинете и обедаю. Работы невпроворот. Враг не дремлет.

И отрезал амбре дверью – стеганой, мягкой, но при закрытии лязгнувшей железно.

– Садитесь вот на стульчики.

Он смахнул со стола крошки, заглянул в расписанную гжелью кружку, цыкнул. Артем уже ждал – неужели и чаю еще предложит, но Борис Иванович не стал. Отодвинул латунную лампу под стеклянным зеленым абажурчиком в сторону, чтобы глаза не резало. И уже из уютного сумрака спросил:

– Откуда к нам?

– ВДНХ.

– О.

Борис Иванович ВДНХ покатал на языке как витаминку, потер себе нос, вспоминая.

– Как там начальство ваше? Каляпин, кажется, Александр Николаевич? Справляется?

– Каляпин в отставку вышел полгода назад. Сейчас Сухой.

– Сухой... Сухой! Это бывший по безопасности, да? Коллега! – обрадовался майор. – Рад за него!

– Так точно.

– А вы и сами оттуда, я так понимаю? – Свинолуп пролистнул Артемов паспорт. – Кем служите?

– Сталкер, – сказал Артем.

– Я так и подумал. Ну а вы? – Борис Иванович переключился на Гомера.

– С Севастопольской.

– Вот это – интересно! Не ближний свет. Севастопольская! Денис там...

Денис... По батюшке-то, господи...

– Михайлович.

– Верно! Денис Михалыч. Как он?

– В форме.

– В форме! Хаа! – Борис Иванович подмигнул Гомеру заговорщически. – Лучше и не скажешь. Пересекались с ним как-то. С искренним уважением к нему отношусь. Профессионал. Мда.

Свинолуп снова заглянул к себе в чашку, словно надеясь, что та сама собой наполнится. Потом осторожно притронулся к своим щекам. Что-то не так было с его щеками, но в полумраке Артем никак не мог понять, что именно. Казалось, лицо у майора... Разрисовано, что ли?

В остальном он был внешности скорее приятной: рослый, лоб широкий и высокий от залысин, спортивная молодость ссутулена кабинетной работой. Глаза из полутени поблескивали тепло, изучающе. Фамилия его ему удивительно не шла, слишком его грубила. Это не из народа был человек.

– А вы, кстати, не еврей? – спросил Борис Иванович у Гомера.

– Нет. А что?

– «Нет, а что?» – засмеялся хозяин кабинета. – Вы мне определенно нравитесь. Я, кстати, к вашему брату с большим пиететом, в отличие от многих коллег...

– Я не еврей. Вы же паспорт видели. А что, это имеет значение?

– Паспорт! Паспорта люди рисуют. Я же не про паспорт говорю, а про состояние души. Отвечая на ваш вопрос: значения – никакого! У нас же не Рейх тут, в самом деле.

На стене шуршали стрелками ходики: простые, стекляшка в синей пластмассе. На циферблате был нарисован, кажется, щит, и шли через тире какие-то буквы. В зеленом отсвете настольной лампы Артем прочел про себя: «ВЧК-НКВД-МГБ-КГБ-ФСК-ФСБ-СБ СКЛ». «СКЛ – Содружество Кольцевой Линии», механически расшифровал Артем настоящее наименование Ганзы.

– Раритет, – объяснил ему Борис Иванович. – Таких на все метро пара штук только. Ценитель поймет.

– У вас к нам какие-нибудь еще вопросы есть? – сказал Артем.

– Конечно. И немало. Вот руки можете на свет сюда, ладонями кверху? – не покидая тени, попросил майор. – Ага, спасибо. Пальцы. Разрешите, я потрогаю? Ну как будто руку вам пожму. Оп. Мозольки. А вот это от пороха, да? Плечо покажете? Да покажите, покажите. Правое. Нет, можно не раздеваться. Пожалуйста, синяк. Приходится, видать, пользоваться автоматом-то?

И вот еще странно: пальцы у него были влажные и липкие немного. Но это не пот на них лип, а... Артем еле переборол желание понюхать свои руки, только они освободились от майорова пожатия.

– Сталкер. Я объяснил.

– Ну да, это да. Но ведь сталкеры в химзащите, в перчатках всегда, так? Это-то вы не наверху себе настреляли. А вы, Николай Иванович? – по паспорту обратился он к Гомеру, аккуратно ощупывая свои скулы. – Руки. Будьте любезны. Спасибо. Вот, тут видно интеллигента.

Он задумался, разминая, эти свои пальцы: толстые, сильные. Словно что-то он ими делал такое, от чего они затекли и болели. Может, долго фонариком-жужжалкой работал?

Раритетные часы прокрутили сколько-то времени, четко тикая: ц-к, ц-к, ц-к, ц-к. Все молчали, давая звучать часам. Железная дверь отсекала наружные голоса. Если бы не отдельное и внятное тикание, тут тихо было бы, как оглохшим – после взрыва.

Потом Борис Иванович опомнился.

– Можно поинтересоваться, какова цель вашего визита на Ганзу?

– Транзит, – ответил Артем.

– Пункт назначения?

– Театральная.

– Вы в курсе, что ввоз несертифицированного оборудования связи на территорию Ганзы запрещен?

– Никогда не было такого!

– Ну как же. Вы раньше не пробовали, наверное, просто, Артем Александрович.

Царапнул звук отчества: первый паспорт ему выправлял Сухой, а Сухой имени настоящего Артемова отца знать не мог. Он и материного-то имени не расслышал. А сам Артем мог бы, да не запомнил. Так что дядя Саша вписал себя, а Артему тогда кишок не хватило с ним спорить. Так и прилипло. Но фамилию он все равно потом поменял. Когда Мельник выписывал ему новые документы вместо испорченных.

– Вот еще вопрос: живете и работаете на ВДНХ, о чем гласит штамп, а паспорт выдан в Полисе. Много приходится путешествовать? Часто бываете там?

– Жил год. Калымил.

– Не на Библиотеке имени Ленина, случайно?

– На Библиотеке.

– К Красной Линии поближе?

– Поближе к самой Библиотеке.

Свинолуп заинтересовался, заулыбался.

– А на Театральную вы идете, потому что поближе к Театру, видимо? А не потому что обе пересадочные станции – красные? Поймите меня правильно, я просто интересуюсь. По долгу службы.

– Почти. Выход наверх запланирован. На Театральной.

– Конечно, с использованием рации армейского образца? Кому там будете шифрограммы отправлять? Балетной труппе? Труп-пе, ха.

– Послушайте, – прервал его Артем. – Мы никакого отношения к красным не имеем. Я объяснил: я сталкер. Все и так понятно, нет? По лицу, по волосам. Да мне ночью свет в сортире включать не нужно, у меня, блин, струя светится. Ну да, есть с собой рация. Что такого? А если я там застряну, наверху? Если меня жрать будут? Мне что, и на помощь позвать никого нельзя?

– А есть, кого? – спросил Борис Иванович.

Он подался вперед, выдвинулся из тени. И стало ясно, почему он трогает свое лицо. Все оно было исполосовано набухшими, сочащимися сукровицей царапинами. Одна распахивала наискось его бровь и через перерыв – скулу, будто кто-то пытался вырвать майору глаз, но он зажмурился, уберег.

Вот что у него на пальцах клеилось: сок, вышедший из этих царапин. Совсем свежих, не засохших еще; что-то случилось с майором всего за несколько минут до того, как он арестовал их. «В спешке собирался»...

– Может, и есть, – медленно ответил Артем.

Спросить у него: что это с лицом у вас, Борис Иванович? Но что это даст сейчас? Ничего не даст, разве на минуту отвлечет.

– Ну так вы, может, позовете? – Борис Иванович улыбнулся; из-за царапин вышло не очень. – Потому что вам это может сейчас пригодиться. Прописаны на одной станции, документы выданы на другой. С огнестрельным оружием. С тремя боекомплектами. С вашим запрещенным радиооборудованием. Вы понимаете, о чем я? Эта ваша рация... Мы имеем все основания задержать вас. Артем Александрович. Так сказать, до выяснения.

Оправдываться? Объяснять этому человеку про то, зачем ему, Артему, рация? Он и сам мог за этого Свинолупа сказать все себе в ответ: за двадцать лет – никаких сигналов, никаких свидетельств, что выжил хоть где-нибудь кто-то еще. Кого вы хотите обмануть, Артем Александрович?

Майор выбрался из-за своего бруствера, пошел на середину комнаты – топтать грязными сапогами слепнувший от времени и темноты узор.

– И вас, Николай Иванович, за компанию... Может, хоть вам есть, что рассказать? Необязательно тут, при молодом человеке. У вас-то в багаже ничего, кроме дневника, не обнаружено.

То есть, ваши милые каракули можно по-всякому истолковать. Может, это «Повесть временных лет», а может, это вы отчет в госбезопасность Красной Линии строчите. А?

Гомер втянул голову в плечи и проглотил язык; но от Артема откреститься не пытался. Свинолуп завинтил тисочки еще чуть-чуть:

– Ну, как знаете. Времена-то трудные. Тревожные времена. Трудные времена вынуждают к трудным решениям. Понимаете, о чем я?

Артем поискал ответ внизу, на плешивом ковре.

Выглядывали из-под стола тоскливые плюшевые тапочки. Какие-то они были... чужие этому кабинету.

Маленькие слишком для Бориса Ивановича с его ножищами.

Женские?

– И у вас, может статься, всему этому есть свое какое-то объяснение. Но ведь я его не знаю пока. Поставьте себя на мое место: мне приходится изобретать свои версии. И версия у меня пока вырисовывается вот такая...

В спешке собирался. Тапки подобрать не успел. Лицо в кровь разодрано. Кто его так, думал Артем – вместо того, чтобы думать, как себя выгородить. Женщина. Ногтями. Все лицо ему. Глаз выпарапать пыталась. Это не игра была. Что он с ней сделал?

– Что вы, товарищи, пытались проникнуть на территорию враждебной вам Ганзы мимо пограничного контроля путем подкупа официального лица. С целью, разумеется, шпионажа. Или, может быть, подготовки террористического акта?

Что он с ней сделал?

Чертова лампа жалела света, и в сумраке не понять было, не оплетал ли ковровый узор багровые пятна. Холостяцкая квартирка казалась прибранной, тут не дрались, не катались по полу, не опрокидывали мебель; но тапки-то... Тапки-то ведь тут валялись, раскиданные. Значит, она сюда пришла. Привели ее... Дверь захлопнули с этим лязгом, провернули ключ. Так же, как и за ними.

– У Ганзы немало врагов. Завистников. Но вот рация... Рация – не задекларированная и не сертифицированная, пронесенная контрабандой... Что это значит? Это значит: вы не одиночки. Ваше внедрение – часть какого-то плана. Кто-то собирался координировать ваши действия. Просочиться на территорию Кольца, создать тут схроны, возможно, найти связных, получить от них фальшивые документы, залечь на дно, ждать приказа... И в назначенный час выступить вместе с другими спящими агентами.

Гомер беспомощно тыкался в Артема своими прозрачными честными глазами. Но тот не хотел ему отвечать, поворачивался к нему все время бельмами, соскальзывал.

Кто она, интересно? Что с ней стало?

– И то, что вы молчите, означает, что возразить вам нечего. То есть, я все верно угадал, а?

Другого выхода из кабинета не было. Одна дверь – стеганая, удушающая всякий звук. Стол. Часы. Телефон. Икона. Кровать зашторенная в углу. Кровать. Застеленная синтетическим пледом. А что, если на ней... Шторка плотная, непроглядная, а за ней... На кровати...

– Ну?

Артем открыл рот, собираясь сделать признание. Свинолуп подобрался, затаился, прекратил гудеть. Чекистские часы потянули еще время. Ц-к. Ц-к. Ц-к. Гомер набрал воздуха, не смел дышать. И никто не дышал больше.

Она потому старалась из последних сил ослепить майора, что тот ее убивал. Навалился, может быть, на нее сверху... И душил.

Шторка эта. За ней. Застеленная кровать. И прямо на кровати. Где он спит.

Мертвая. А вдруг все же живая?

Вскочить? Отдернуть шторку? Закричать? Броситься драться?

Никто не дышит. А если там пусто?

– Кому сигналы подавать собрались? О чем? Откуда? – майор потерял терпение.

Артем остолбенело уставился на него. Голова налилась грязными грунтовыми водами, не вмещала их, грозила лопнуть; болела.

Кто она? Кто та женщина? За что ее?

Надо делать что-то. Нельзя тут оставаться. А шторка – разве его это, разве Артемово это дело?

– Ты правда меня в шпионаже обвиняешь, майор? На красных? – Артем привстал.

Свинолуп из воздуха достал маленький тусклый «макаров», пристроил его рядом с собой на столе, черным широким зрачком – Артему в зрачки. Но поздно было уже отступать. Надо было открыть стеганую дверь, надо было обязательно выйти из этой уютной квартирки наружу. Выйти самому и вывести старика.

– Мозоли у меня нашел, да? Порох? Хорошо. Ну давай, я скажу тебе, откуда мозоли. В прошлом году помнишь историю с бункером? Должен помнить! Корбута с Красной Линии помнишь? Должен был знать! Коллега же твой! Когда Орден половину бойцов потерял, помнишь?! От красных держали оборону! От ваших, ваших врагов! Потому что если бы они взяли этот бункер себе... А от вас, от Ганзы вашей, мы подмоги просили, помнишь?! Когда уже думали, что все! Но у вас, сук, все силы на невидимом фронте видно были заняты! Вот откуда у меня мозоли! Оттуда же, откуда у Мельника коляска инвалидная!

– Закатайте рукав, – изменившимся голосом приказал майор.

Артем, кривясь, закатал. «Если не мы, то кто?». Татуировка уже посерела.

– Ну, по крайней мере, теперь с паспортом ясность появилась, – кашлянул Борис Иванович.

– Еще вопросы есть к нам?

– Вы вот напрасно так нервно со мной. У меня, между прочим, имелись все основания придержать вас тут до выяснения. Вы, может быть, не знаете, но мы сейчас на грани введения чрезвычайного положения находимся. У нас только на прошлой неделе выявлено и обезврежено пятнадцать агентов Красной Линии. Шпионы, диверсанты и террористы. Орден, конечно, другим занят. Я понимаю. Но ваш Орден, при всем моем почтении, в контрразведке не смыслит. Вам, может быть, кажется, что только в ваших руках судьба всей планеты. Вы, наверное, думаете, что мир и стабильность Ганзы – это нечто само собой разумеющееся, да? А если я скажу вам, что мы только вчера вот взяли человечка, который уже получил доступ к нашей системе водоснабжения? И у которого крысиного яда двадцать кило изъяли? Знаете, как мучительно от крысиного ядадохнуть? Или что вот такой же с виду беспечный говновоз, как дружок ваш, в бочке со своим товаром мину противотанковую привез на Белорусскую, знаете? Если ее в правильном месте поставить, представляете, что будет? А это только диверсанты. Провокаторов берем пачками. Агитаторов. Начинают с нытья о том, что у нас тут справедливости нет, что богатеи богатеют, а нищие нищают, что Ганза, дескать, душит бизнес, или что трудовому человеку по всему метро неважно, оттого что Ганза изо всех соки пьет, а потом вот листовочки – пожалуйста!

Он выложил перед Артемом кусок серой бумаги, на которой карта метро представляла паутиной; в центре сидел жирный паук. На пауке было написано «ГАНЗА».

– А с другой стороны, переверните – «Передай товарищу!» или – «Приходи на собрание!». Вот так. Ячеечки создают. Соображаем? У нас тут под носом революцию готовят, ясно? Денно и ночью. Вы там бывали у них, боюсь спросить? Понимаете, что нам тут всем светит, если что? Они даже пуль на нас тратить не станут, просто арматурой забьют. А те, кого они осчастливят насильно, будут друг друга жрать – и то по карточкам. Вот! Будет власть Советов! И что вы против народного бунта можете сделать? Сколько у Ордена людей осталось? Тридцать? Сорок? Ну да, спецназ, ну да, герои, ну да, если не вы, то уж кто уж. А против толпы, которую провокаторы накрутили, науськали – что вы сделаете? В женщин будете стре-

лять?! В ребяню?! А?! Нет, друг мой! Вы, может быть, в тактике ближнего боя понимаете, или в штурме укрепобъектов, только жизнь-то этим не ограничивается! Жизненных ситуаций разных знаешь, сколько?

Ц-к. Ц-к. Ц-к.

Борис Иванович сцепил свои руки замком; это будто напомнило ему о чем-то, и он устался на свои пальцы – толстые, сильные – задумчиво. Потом потрогал снова щеку.

– Зачем тебе на Театральную? – спросил он еще раз, спокойно. – И кто это с тобой? – он кивнул на Гомера.

– Выполняю задание Мельника, – ответил Артем. – Есть желание – свяжитесь, спросите у него. Я не уполномочен. Дед – проводник. Следуем до Павелецкой.

Гомер замигал. Услышал про Мельника. Помнит, куда тот Артема на самом деле послал. «Помешательство». Но и он всего не знает. Татуировка-то осталась, но если кто-то скажет Мельнику, что Артем до сих пор служит в Ордене... Если кто-то и в самом деле сейчас снимет вот эту угловатую трубку и попросит соединить с Мельником...

– Полупроводник, – рассеянно протянул майор и усмехнулся. – Полупроводник-полудед. А брокер что?

– Брокер... С нами.

– Был с вами. Теперь будет с нами. Это ведь он вас через кордон провел, договорился? В нарушение фитосанитарного карантина? Взятку ведь кто-то давал чиновнику Содружества Кольцевой линии? Так сказать, если не вы, то кто?

– Нет, – помотал головой Артем. – Брокер с нами.

Свинолуп ничего не слышал.

– Так что придется брокеру с нами тут... Пообщаться. А вас до Новослободской отправлю транспортом. По кратчайшей. И камень с души.

Гомер скосился на него. Но Артем не мог оставить тут этого дурацкого парня. Не Борису Ивановичу. Не в эти трудные, тревожные времена.

– Отпускаешь всех. Или давай звонить Мельнику.

Свинолуп постучал пальцами по столу, юлой раскрутил маленький тяжелый «макаров», сжал и разжал кулак.

– Что ты меня Мельником устрашаешь? – выговорил он наконец. – Он-то меня поймет. Мельник – офицер, и я – офицер. Просто глупо это будет. У нас ведь с вами враги общие. Мы вместе должны сражаться, плечом к плечу. Вы – по-своему, мы – по-своему. Метро от хаоса защищаем. От большой крови бережем. Кто как умеет.

Жарко было. Нечем дышать. Стучала в уши мутная вода. Нечем дышать, проворачивалось в голове. Койка в углу зашторенная. Тапочки под столом. Просто схватиться за занавеску эту треклятую... Открыть.

– Отпускаешь всех, – повторил Артем. – Всех троих.

– До Новослободской. Мой участок. В ту сторону – чужие. И я не хочу всем и каждому объяснять про тебя, про брокера, про Мельника твоего. Кто-нибудь начальству стуканет наверняка. Докладными замучают.

– Прямо сейчас, – нажал Артем.

– Прямо сейчас ему...

Ц-к. Ц-к. Ц-к. Святые в углу шептались, совещаясь. Мечи у обоих были наголо. Гомер тыльной стороной ладони хотел утереть пот с лысого лба, но весь пот было не высушить.

Наконец Борис Иванович снял трубку плоского кнопочного телефона.

– Агапов! Брокера на выход. Да. Я все сказал. Что? А что с Леоновым? Ну и выдай ему. Труд должен быть оплачен. Да. Тем более он! Сказочник от бога! Особенно это ему удастся, про невидимых наблюдателей... Заслушаешься! – он засмеялся. – Да. И брокера давай.

Артем толкнул Гомера в плечо: уходим. Тот стал подниматься, но медленно, будто зацепился за что-то.

– Вещи верните, – сказал Артем.

– На границе, – пообещал, посерьезнев, Борис Иванович. – А то побежите еще, прятаться станете. Мы же с вашим заданием так деталей и не выяснили. Не беспокойтесь. На границе все вернем.

Прежде чем запереть кабинет, окинул его хозяйским взглядом. Все там было в порядке. Борис Иванович зыркнул в угол, шаркнул сапожищами перед меченосцами в нимбах по-строєвому, как перед командиром, и потушил свет. И Артем оглянулся через плечо в последний раз – на шторку. Не мое дело, сказал он себе.

– На гранииине тучи ходяят хмууроо... – тихонько запел себе под нос Свинолуп.

* * *

Проспект Мира-Кольцевая имела совсем другое лицо, чем ее сиа́мский близнец. Радиальная станция слепо паялась в темноту, Кольцевая шурилась от яркого света. Радиальная вся была загромождена лотками, киосками, развалами всевозможного хлама и ширпотреба, и выглядела в общем, как прибарахлившийся на помойке бомж. Кольцевая, хоть и срослась с ней переходом, умудрилась от нее не завшиветь. Пол в черно-белую шашку был выскоблен и вылизан, позолота на потолке подновлена, а затейливо простеганный косыми линиями потолок, пусть и подкоптившись несколько, все же давал понять, что некогда был снежно-бел. Тяжелые бронзовые люстры с множеством ламп свисали с него. Горела на каждой люстре всего только одна лампочка, но и этого хватало, чтобы на станции не оставалось ни темного угла.

Часть платформы была отведена под грузовой терминал: у нагнувшегося к дрезине подъемного крана курили вкусное и недешевое грузчики в синих спецовках, ящики какие-то построились и стояли ровно, дисциплинированно, прибывала из туннеля еще новая подвода с товарными тюками, звенел бодрый матерок. Шла работа и спорилась жизнь.

Дома у местных были устроены в арках выхода на платформы, чтобы не занимать зал и не портить его красоты: проемы заложили кирпичом и даже оштукатурили белым, дверки пустили по внутренней стороне, а рядом с дверками проделали еще и окошки – лицом к люстрам; сквозь занавески, наверное, можно было представить себе, что снаружи просто вечереет. А если в дверь постучат – отдернуть шторку и посмотреть, кто, прежде, чем отпирать. Люди тут были умытые, приодетые даже, и как ни ищи, выискать в толпе хоть одного дистрофика не получилось бы нипочем. Если был в этом мире еще возможен рай, Проспект Мира наверняка был бы одной из его станций.

Борис Иванович распрощался с ними еще до выхода в свет: извинился, дескать, надо отлучиться в травмпункт. Ему на замену вышел из служебных помещений какой-то дядечка в усах, приличный и заурядный, и вывел за собой брокера Леху. У того была разбита губа, но улыбаться это ему не мешало.

– На Новослободскую с нами поедешь, – сообщил ему Артем. – И на Менделеевскую потом.

– Да хоть куда! – сказал Леха.

Дядечка одернул свой застиранный свитер – не форменный, разумеется, а такой добрый, с вязаными снежинками – и, хлопнув Леху по плечу, поманил всех троих за собой. Со стороны казалось: четверо друзей шли по платформе. Четверо друзей, перешучиваясь, курили на остановке.

Подъехала точно по времени знаменитая ганзейская маршрутка: дымная мотодрезина с прицепленным пассажирским вагончиком. Вагончик, правда, был открытоверхий, но зато обустроенный мягкими сиденьями, вывороченными в каком-то метропоезде. Кондуктор

собрал со всех по два патрона: свитер заплатил за всю компанию. Уселись друг напротив друга, качнулись и покатили.

Мест свободных больше не оставалось. Слева сидела баба с обесцвеченными волосами и с зобом. Справа – носастый смурной гражданин в чем попало. Позади – молодой сонный отец с сопящим кульком и мешками под глазами, потом человек с просто неприличным пузом, и темненькая девчонка лет шестнадцати, в юбке до пола – от греха. И там еще люди, а в конце, как и в голове дрезины – автоматчики в кевларовых жилетах, с титановыми шлемами на коленях. Но это не Артему конвоиры были: даже тут, на Ганзе, с постоянным ее движением и негаснущим освещением, туннели оставались туннелями, и в них могло случиться всякое.

– И при нем – двадцать кило крысиного яда! – продолжила крашенная баба разговор из предыдущего перегона. – В последний момент взяли.

– Озверели. Крысиным ядом! Самого бы этого гада крысиным ядом, чтобы все сожрал, заставить! – пробухтел пузан. – Сколько этих можно терпеть! Тут один вон переметнулся от красных эт-самый... С Сокольников. Говорит, они там детей своих хавают уже! Это там Антихрист, этот их Москвин. И хочет нас всех тоже! Сатана!

– Ну уж детей... – протянул недоспавший отец со свертком. – Никто своих собственных детей есть не станет.

– Много ты в жизни понимаешь! – всхрипнул пузан.

– Своих детей – никто, – упрямо сказал тот.

– Вот когда они сюда придут, тогда и узнаем, – поддержал разговор свитер.

– Ведь хуже и хуже! А в прошлом году? С бункером! Орден еле выстоял! Чего им неймется? – пыхла баба с зобом.

– С голодудохнут потому что! – пузан потерял свой огромный живот. – Вот и лезут на нас эт-самый. Отнять и поделить.

– Не приведи хасподь! – попросил кто-то старушечий сзади.

– А я бывал вот на пересадке на Красной Линии один раз. И ничего такого страшного нет у них. Цивильно вполне. Одеты все по образцу. Пугают это нас ими!

– Да ты от буферной зоны шаг в сторону хоть делал? Я вот сделал! Тут же скрутили, чуть к стенке не поставили! С фасаду-то у них порядочек, ага!

– Работать не хотят, оглоеды, – сказал носастый. – Мы тут все своим трудом. Двадцать лет на галерах. А эти... Как саранча они. Конечно, им теперь новые станции подавай, у себя-то они все уже подчистили. Схарчат в два присеста.

– А мы-то почему должны?! За что?

– Только жить начали по-человечески!

– Войны бы не было бы... Войны бы...

– Хотят там – пускай своих детей и жрут, а к нам не лезут! Дела нам до них...

– Ох, не приведи хоспади! Не допусти!

Все это время дрезина катила мирно и неспешно, попыхивая приятным дымком – бензиновым, из детства – через образцовый перегон – сухой, молчащий и освещенный через каждые сто метров энергосберегающей лампочкой.

А тут вдруг – р-раз! – и стала темнота.

Во всем перегоне. Погасли лампочки, и будто Бог уснул.

– Тормози! Тормози!

Завизжали тормоза, кубарем полетели друг на друга зобастая тетка, человек с носом, и прочие все, неразделимые в темноте. Замяукал младенец, все больше расходясь. Отец не знал, как его успокоить.

– Всем оставаться на местах! Не спускаться с дрезины!

Щелкнул один фонарик, зажигаясь, потом еще. В прыгающих лучах видно стало, как суетливо и неловко пролезают в шлемы кевларовые бойцы, как они нехотя сходят на рельсы, оцепляя маршрутку, становясь между людьми и туннелем.

– Что?

– Что случилось?!

У одного кевларового зашебуршало в рации, он отвернулся от гражданских и пробубнил что-то в ответ. Подождал приказа – не дождался, а без приказа не знал, что делать, и застыл недоуменно.

– Что там? – спросил и Артем.

– Да брось, хорошо сидим! – беспечно ответил свитер. – Куда нам торопиться?

– Вообще бы хотелось... – обсасывая губу, проямлил Леха.

Гомер молчал напряженно.

– А мне есть вот куда! – отец кулька привстал. – Мне к матери вон надо ребенка! Я сам ему, что ли, сиську дам?

– Ребятки, что там говорят хоть? – колыхнула зобом пергидрольная тетка в сторону бойцов.

– Сидите, женщина, – твердо сказал кевлар. – Ждем пояснений.

Минута натянулась, как струна. Вторая.

Сверток, не утешенный своим неумелым отцом, зашелся уже визгом. Из головы дрезины раздраженно посветили им всем в глаза миллионом свечей, разыскивая источник плача.

– В жопу себе посвети! – крикнул отец. – Ни хера не могут! Да пускай бы тут красные и взяли все, может, хоть порядок наведут! Каждый день отрубают!

– Чего ждем? – поддержали с тыла.

– Далеко едешь-то? – в голосе свитера слышалось сочувствие.

– Парк культуры! Полметра еще! А-а-а. Ба-ю-бай.

– Давай шагом хоть двинемся!

– У нас-то не на электричестве! Заводи! До станции бы добраться, а там уже...

– А если диверсия?

– И вот что наша эс-бэ? Где она, когда нужно?! Допустили же!

– Да уж не началось ли, хоспади?!

– Шагом, говорю, давайте! Помаленечку...

– Вот за что налоги плотим!

– Ждем указаний! – бормотал в рацию боец, но оттуда только кашляло.

– Точно ведь диверсия!

– А это что там? Ну-ка посвети... – свитер прищурился, ткнул пальцем в темень.

Один кевларовый по его наводке нацелил фонарь: на черную дыру. Из туннеля шел в земную толщу ходок, узкий коридорчик.

– Эт-то что еще?.. – изумился свитер.

Кевларовый резанул ему лучом по глазам.

– Не лезьте, мужчина, – отрезал он. – Мало ли.

Свитер не обиделся. Сделал себе из ладони козырек и стал для света неуязвимым.

– Про Невидимых наблюдателей сразу... Слышали историю?

– А?

– Ну... Про Метро-два. Что правительство... Лидеры той России, которая раньше была... Великой. Что не делись они никуда. Не бежали. Не погибли. Ни на какой Урал не спаслись.

– А я про Урал слышал. Ямандау там, или как называется. Город под горой. И туда все сразу, как заварушка! Мы-то тут пускай гнием, а первые лица все... Там и живут.

– Брехня! Никуда они нас не бросили. Они-то бы не предали нас, народ. Тут они. В бунках, которые рядом с нами. Вокруг нас. Это мы их предали. Забыли. И они вот от нас...

Отвернулись. Но тут где-то... Ждут. Присматривают за нами все равно. Берегут. Потому что мы им – как дети. Может, их эти бункера – за стенами наших станций. А их туннели, секретные, – за стенами наших. Вокруг прямо идут. Следят за нами. И если мы заслужим... Спасение. То – вспомнят. Спасут. Выйдут из Метро-два и спасут.

На дрезине попритихли, уставились на черный ходок, на беспросветный омут, зашептались.

– А вот черт знает...

– Х-херня это все, – зло бросил Артем. – Ересь! Был я в этом Метро-два.

– И что?

– И ничего. Туннели пустые. Пустые туннели и кучка дикарей, которые человечинкой кормятся. Вот и все ваши Наблюдатели. Так что сидите тут, ждите.

Спасут.

– Не знаю, – добродушно хмыкнул свитер. – Рассказчик из меня не особо. Тебе бы послушать того мужичка, который мне все это дело изложил. Я прямо проникся!

– Правда, что ли, людоеды? – уже у Артема спросил отец с кульком.

Но тут дали свет.

Охране в рацию пробурчали благословение. Дрезина чихнула. Скрипнули колеса. Поехали.

Люди выдохнули, даже ребенок затих.

Стали проплывать мимо темного ходка, заглянули с опаской.

Ходок оказался подсобкой. Тупичком.

* * *

Новослободская была одной нескончаемой стройкой. На свободном пути стоял караван, груженный мешками – песок, наверное, или цемент; таскали кирпичи, мешали бетон, капали стынувшим раствором на пол, промазывали щели, откачивали воду с путей. Шумели добытые где-нибудь наверху обогреватели, гнали лопастями горячий воздух на сырую штукатурку. К каждому был приставлен охранник в сером.

– Текёт, – объяснил свитер.

Изменилась Новослободская. Тут когда-то были цветные витражи, и станцию держали чуть в сумерках, чтобы стекольная живопись ярче сияла. А по-наверх витражей раньше бежала двойная окантовка золотом, выделявая округлые арки; и пол тоже был в гранитную шашку, словно пассажир вступал на драгоценную шахматную доску, подаренную русскому царю персидским шахом... Теперь был всюду один цемент.

– Хрупкая штука, – проговорил Гомер.

– А? – Артем обернулся к нему: старик вот уже сколько молчал, странно было даже слышать его.

– Был один знакомый. Сказал мне как-то раз, что на Новослободской витражи полопались давно, дескать, хрупкая штука. А я и забыл. Сейчас вот, пока ехали, все думал увидеть их.

– Ничего. Вытянем, – уверенно сказал свитер. – Спасем станцию. Отцы могли, и мы сможем. Если войны не будет, все вытянем.

– Наверное, – согласился Гомер. – Просто странное чувство. Я эти витражи не любил никогда, и Новослободскую-то не любил за эти витражи. Думал, безвкусица. А сейчас, пока ехал, все равно ждал их.

– Может, и витражи восстановим!

– Это вряд ли, – мотнул головой Артем.

– А нет, значит, и хрен с ними! – лопнуто улыбнулся Леха. – Жизнь и без них продолжается. Где тут выход у вас?

– Все восстановим! Главное, чтобы войны не было! – повторил свитер, хлопая Леху по спине.

Он повел их на лестницу, над путями, по перешейку – к Менделеевской. Прошли один камуфляжный кордон, другой, и только потом – граница замаячила, с коричневым ганзейским кругом на штандартах, с пулеметной позицией.

Леха вертелся, все время оборачивался зачем-то назад; надрывное было у него веселье, знал Артем, не настоящее. Гомер склеил губы и смотрел в свое подлобье, на невидимый кино-экран. Свитер продолжал нести всякое жизнеутверждающее.

На последнем блокпосту маялись, помимо серых пограничников, еще и двое других, одетых работягами – в заляпанных спецовках и сварочных очках на лбу. В ногах у них стояло Артемово: баул с химзой и ранец с рацией.

Поприветствовали, расстегнули молнию, пригласили удостовериться, что и автомат, и патрончики все вот они, на месте, хотите – пересчитайте. Артем не стал считать. Сейчас просто убраться отсюда, живым убраться, а больше ничего не нужно.

Невозможно в одиночку бороться со всей их службой безопасности. Со всей Ганзой. А там, в комнате, за шторой... Нет там ничего. Паранойя.

– Ну! – свитер тряхнул энергично грязную Лехину лопату и протянул руку Артему. – С богом!

Со стороны поглядеть – четверо старых друзей прощались, не зная, когда свидятся снова.

* * *

Только когда они перешагнули уже на Менделеевскую, когда люди в штатском точно не могли их больше слышать, Гомер взял Артема за рукав и зашептал:

– Вы очень правильно с ним разговаривали там. Ведь мы могли бы оттуда и не выйти.

Артем пожал плечами.

– Не могу перестать об одном думать, – досказал Гомер. – Вот мы когда в кабинет его зашли, он тапки убирал разбросанные, помните?

– И?

– Это ведь не его тапки были. Вы обратили внимание? Женские. Это женские были тапки. А царапины...

– Ерунда! – рявкнул на него Артем. – Чушь собачья!

– Сожрать бы чего, – произнес Леха. – А то домой еще когда теперь попадем.

Глава 6

Восемь метров

– Тут у нас дорога в одну сторону, – на прощание сказал им командир погранзаставы, теребя ногтем вызревший на шее сочный прыщ.

И тогда им стало интересно, куда их вынесло.

Менделеевская оказалась полутемной, туманной от пара и промокшей насквозь. Лестница перехода с соседней Новослободской спускалась не на напольный гранит, а в озеро: тут люди жили по щиколотку в стылой бурой воде. Артем расстегнул свой баул – там лежали его болотные сапоги. Повесил на себя заодно и автомат. Гомер тоже в резине был, сразу видно бывалого путешественника.

– Не знал, что ее прорвало, – пробурчал Леха, ежась.

Там и сям валялись в воде сколоченные из гнилого дерева рамы, немного приподнимающие человека над дном. Набросаны они были как попало, и никто не пытался сбивать их в остров или в дорогу.

– Поддоны, – узнал Гомер, обмакивая себя в холодную муть, чтобы дойти до деревянного помоста. – В фурах такие раньше использовали. И все Подмосковье в рекламных щитах: куплю поддоны! Продам поддоны! Целый черный рынок этих поддонов! И думаешь вот: на кой черт вообще кому сдались эти поддоны? Оказывается, их к Потопу скупали.

Но и поддоны давно отсырели и утонули сантиметров на несколько. Увидеть их сквозь грязь можно было только совсем вблизи, и только глядя себе прямо под ноги; а со стороны и вправду казалось, что все тут сплошь одно взбаламученное библейское море.

– Они тут все, как пророки, прямо по воде чудесно гуляют, – усмехнулся Гомер, глядя на шлепающих местных.

Брокер тоже оценил:

– Будто говном залито!

Скоро зрочки забыли, как ярко сияла Ганза, и им стало хватать с избытком здешнего скудного света. Горел жир в площадках – где попало, у кого нашлось; иногда за ширмами из магазинных пакетов – выцветших, но не до конца.

– Вроде китайских бумажных фонарей, – указал Гомер. – Красиво, а?

Артему по-другому показалось.

В арках, которые сначала чудились сплошными и черными, обнаружились пути. Но не обычные, как на прочих станциях. На Менделеевской грани между платформой и путями не существовало, мутная вода все выравнивала. Надо угадать, где еще можно стоять, а где придется оступить и хлебнуть.

Но главное вот: как отсюда дальше-то идти?

Выход наверх был завален, запечатан. Переход – отрезан. Туннель – по шее налит холодной и грязной водой. И еще фонило от нее, небось; поди искупнись в такой. Сведет судорогой, фонарь замкнет, и будешь лицом вниз поплавающим валандаться, пока полные легкие не наберешь.

Вдоль невидимых путей сидели местные, почесываясь, ловили в глубине какими-то сачками лучше уж даже не думать, кого, и тут же всырую глотали.

– Мою глисту увел! Вернул глисту, падла! – вцепился один рыбак другому в патлы.

Ни лодок, ни плотиков у них не было. Никуда они с Менделеевской деться не могли, да и не собирались. А Артему с Гомером как быть?

– Почему затоплено все? Ниже она, что ли, чем Новослободская? – вслух сказал Артем.

– На восемь метров глубже, – извлек из памяти Гомер. – Вот вода оттуда вся сюда и течет.

Стоило отойти подальше от ступеней перехода, облепили ноги тощие дети. К ганзейскому кордону они соваться не смели; как-то их оттуда отвадили.

– Дядь, пульку. Дядь, пульку. Дядь, пульку.

Тощие, но жилистые. Опа! – ловишь чужую ручонку в кармане. Скользкую, быструю, верткую. Вроде поймал только что, а – пусто. И кто это был из дьяволят – не узнаешь.

Подземные реки обтекали все метро, скреблись в бетон, просились впустить на глубокие станции. Кто мог – выгребал: укреплял стены, откачивал жижу, сушил сырость. Кто не мог – тонул молча.

На Менделеевской народу лень было и грести, и тонуть. Перемогались временно, как придется. Наворовали где-то трубчатых строительных лесов, разгородили ими зал, свинтили себе из них джунгли, вскарабкались повыше, под потолок, и там повисли, на этих железных лианах. Кто постеснительней, намотал вокруг своего гнезда пластиковых пакетов, чтобы ему в жизнь снаружи не пялились. Кто попроще, прямо с верхних ярусов при всех в воду звонко дела делал – и ничего.

Раньше зал Менделеевской, торжественный и сдержанный, белого мрамора, с просторными округлыми арками, подходил, к примеру, для дворца бракосочетаний. Но грязевые потоки отслюнявили от стен мраморные плиты, закоротили электричество и погасили хитро изломанные металлические люстры, а людей превратили в земноводных. Вряд ли тут кто еще женился – забирались просто повыше, чтобы задницу не намочить, и спаривались наспех.

Кто не ловил глисту, сидел по своим ярусам-нарам безучастно и пришибленно: лупились в темноту, несли околесицу и безмозгло похихикивали. Других занятий тут, кажется, не имелось.

– Чего пожрать бы? – растерянно повторил Леха, выбравшись из мокрого на сухое, отмахиваясь от попрошаек и скорбно глядя на свои ботинки.

От его настойчивости подвело живот и у Артема. Есть было надо на Проспекте: там и свиные шашлыки жарили, и грибов тушеных в плоску хлопнуть могли. А тут...

– Пульку, дядь!

Артем обхватил свой баул покрепче, шуганул мелюзгу. Снова зашустрила в кармане чья-то пятерня. Нашла что-то, дернулась – но тут уже Артем был начеку. Девочка маленькая попала, лет шести. Волосы спутаны, зубы через один.

– Ну все, жучка! Отдавай, что там?!

Разжал палец за пальцем, стараясь злиться. Девочка вроде напугалась, но пыталась нагличать. Предложила Артему поцеловать его, если отпустит. В руке у нее был – гриб. Откуда у Артема в кармане грибу взяться? Сырой гриб, с грядки. Что за чушь?

– Ну че ты, дай грибок-то! Че, жмот?! – запищала девчонка.

Догадался: Аня положила.

Сунула ему гриб на прощание: вот ты, Артем. Вот ты кто, вот твоя природа и твоя сущность, и помни об этом в своих героических странствиях. Помни о себе и помни обо мне.

– Не отдам, – твердо сказал Артем, сжимая детскую руку сильнее, чем собирался.

– Больно! Больно! Изверг! – она заверещала.

Артем распустил пальцы, освободил волчонка.

– Постой. Подожди.

Она замахнулась уже было на него какой-то железкой с расстояния, но замерла, согласилась потерпеть. Еще немного верила в людей, значит.

– На! – он протянул ей два патрона.

– Кидай! – приказала девчонка Артему. – Изверг. Не пойду к тебе. Разве если немного.

– А как выбраться отсюда? На Цветной бульвар бы?

– А никак! – она сморкнулась в руку. – Надо будет, сами заберут.

– Кто?

– Кто надо!

Артем подбросил ей в ладонь один патрон, другой. Первый поймала, а второй занырнул, и тут же за ним полезли в холодную муть сразу трое мелких. Девчонка их – пяткой в нос, в ухо, вон, вон, мое! Но уже повезло кому-то другому. Она от обиды не заплакала, а сказала счастливчику решительно:

– Ладно, зараза, я тебя еще достану!

– Слышь, подруга, – позвал ее Леха. – Хавчик тут есть вообще у кого-нибудь? Чтобы не травануться? Отведи, накину еще пульку.

Она уставилась на него с сомнением, потом шмыгнула носом.

– Яйцо хочешь?

– Куриное?

– Нет, блин! Куриное, конечно! В том конце деревни есть у одного.

Леха обрадовался, и Артем вдруг тоже поверил в это яйцо: вареное, с белком как чело-
вечий глаз и с желтком как солнце на детских рисунках, свежее и мягкое. И ему самому при-
спичило такое яйцо, а лучше сразу тройную глазунью, на жирном свином масле жаренную.
На ВДНХ кур не держали, и последний раз ему яичницу довелось пробовать в Полисе, больше
года назад. Когда с Аней у них все разгоралось только-только.

Артем спрятал гриб-привет во внутренний карман.

– Я в деле, – сказал он Лехе.

– Яйцо жрать будут! – провозгласила девчонка.

Это известие привело мелюзгу в возбуждение. Все, кто пытался выклянчить у Артема
патрончик, отложили свои мечты, перестали домогаться подачки; скопились молча и кругло-
глазо вокруг пришельцев.

Пришлось всей делегацией прыгать по поддонам, как цыплячьему выводку, до противо-
положного конца платформы, к спрятанному там где-то курятнику. Дети лезли за ними по стро-
ительным лесам, бежали, опережая, верхними ярусами, срывались иногда с визгом в болото.

Полудремлющие на нарах тупо и бессильно глядели им вслед, вяло распутывая спутан-
ные мысли:

– Пойдем, может, в солянку сегодня? На афише читал, швед какой-то клевый приехал.
Электронщик.

– По твою душу приехал. Они там пидарасы все в этой Швеции. Вчера по телику сказали.

– Глистов насосались, – на ходу объяснила про них девочка.

На одном из поддонов, предоставленный сам себе, пух труп.

Артем поглядел, как к нему, держа мордочку повыше, плывет кушать крыса, и подумал
вслух:

– Разница – восемь метров всего, а как в ад спустились.

– Не ссы! – ободрил его Леха. – Значит, и в аду – наши! И русский не забыли, молодцом!
Доскакали до другого конца этой их проклятой деревеньки. До самого тупика.

– Во! – девчонка сплюнула. – Тут он. Давай пулю!

– Эй, хозяйка! – крикнул брокер вверх. – Говорят, яйцами торгуешь?

– Есть такое, – сверху свесилась спутанная борода.

– Пулю давай! Давай пулю, изверг! – забеспокоилась девчонка.

Леха вздохнул горько и жадно, но проводника рассчитал. С окружающих нар за этим завист-
ливо наблюдали.

– Почему?

– Две! – затребовала борода. – Две пули!

– Мне бы пару и еще... И еще вот товарищам штучки три. Сделка века, брат, у тебя
вырисовывается!

Наверху зашевелились, закричали. Через минуту перед гостями предстал мужичок в пиджаке на голое тело. Срам прикрыт белой юбкой, сделанной из прорезанного снизу широкого пакета с вытертой надписью «Аша»; борода встрепана и замусорена, глаза пламенеют горящим жиром.

В одной руке мужичок нес уверенно, как царскую державу, символ власти – испачканное пометом куриное яйцо. Другой – нежно, но надежно обнимал исхудавшую курицу с загнанным взглядом.

– Олег, – с достоинством представился бородач.

– А скидка, Олежек, есть? – побренчал сумой брокер.

– У всего своя цена, – твердо сказал Олег. – Яйцо два патрона стоит.

– Ладно... Черт с тобой уже. Давай это сюда. Вареное? И еще четыре. Вот тебе... Раз, два... Пять. Десять.

– Нельзя! – Олег покачал головой.

– Что нельзя?

– Яйцо только одно. Давайте две пули. Лишнего мне не надо.

– Как одно? – растерялся Артем.

– На всю станцию одно. Сегодня. Бери, пока другие не перекупили. И оно сырое. Тут варить не на чем.

– И как его? – нахмурился Леха.

– Пей, как. Вот тут тюкни и пей, – Олег показал, как. – Но деньги вперед.

– Ладно. Вот тебе патроны. Я сырые боюсь. Однажды месяц провалялся, чуть не сдох. Сварю где-нибудь сам.

– Не! – Олег яйцо из рук не выпустил и патроны не взял. – Тут пей. При мне! Или не продам!

– Это еще почему? – изумился брокер.

– А потому. Рябе нужен кальций. Она из чего, по-вашему, должна скорлупку производить?

Волчья девочка стояла рядом, наблюдала. Набиралась ума-разума. Остальные повылазили из сумрака, готовились к чему-то. Не только дети – и взрослые, кто поближе жил, тоже придвинулись.

– Чи-во?.. – переспросил Леха.

– Скорлупка из кальция состоит. В школе учился? Чтобы новое яйцо снести, ей кальций нужен. Где я вам его возьму тут? Так что хряпай давай. И скорлупку – на базу. Складывает скорлупку, и завтра можете за вторым приходить.

– И за это два патрона?!

– У всего своя цена! – Олег был непреклонен. – Я на людях не наживаюсь! На один патрон Рябе грибов куплю, на другой – себе. На день. А завтра – новое яйцо. Все посчитано. Все работает. Как швейцарские часы. Ты не хочешь – зондеркоманде загоню. Они гоголь-моголь ценят. Ну? Берешь?

– Кому? – спросил Гомер.

– Давай сюда свой гоголь-моголь, – пробурчал Леха.

– Аккуратно только скорлупу бей, внутрь чтобы.

– Не учи ученого!

Тюк.

– Мастерски пробил! – прошептал уважительно кто-то в собравшейся вокруг толпе.

– Вкусно, а? – завистливо спросил мальчонка со вздутым животом.

– Ну ты быстро-то не пей так! Потяни, прочувствуй! – посоветовала еле отличимая от мужчин женщина.

– Желточек, желточек-то пошел уже, кто видит?

– Каждый день как будто он яйца жрет!

Лехе болельщики не мешали. Он их не замечал.

– А то – варить его еще! Яйцо сырым хорошо. Белок – как жидкое стекло. Душа человеческая, наверное, вот как-то так выглядит, – почесывая в бороде, сказал Олег.

– Слышь, дядь, – сказал ему Артем. – А как выбраться отсюда?

– Куда? Зачем?

– Что у вас дальше? На Цветной бульвар.

– Чего там ловить-то? Нечего! – категорически заявил Олежек.

– А вот, скажем, если, – смакуя измазанное яйцо, громко призадумался брокер. – Если бы тебе пойти таскать червей, и каждый день одно яйцо откладывать, а потом сразу два десятка продать на Ганзу, а на выручку купить себе вторую курицу? Ты ведь тогда перестанешь в ноль работать. За месяц в плюс выйдешь, а?

– И ее глистой кормить? Кура животное деликатное, она от глисты сдохнет! Ученый тут мне, вертеть!

– Ну а если цыплят подождать? Вот если бы я тебе пуль в кредит под петуха дал? – Леха поиграл, позвенел оставшимися патронами. – Или даже вложился бы этим петухом, за пятьдесят процентов в нашем будущем акционерном обществе. А?

Тут волчья девочка, за всем этим следившая безотрывно, не вынесла дальше скуки честной жизни, метнулась, поднырнула и дала брокеру по руке снизу; острые латунные пилюли всплеснулись и попадали сквозь доски поддона, сквозь грязюку – на дно. Яйцевые болельщики взбудоражились.

– Ах ты, дрянь мелкая! – завопил брокер. – Прибью к едреной матери! А ну, сдали все назад!

– Вот он, кредит твой! – обрадовался Олежек. – Влезать еще в кабалу! Ради чего?

– Да пошел ты! – Леха опустил на колени, стал шарить через муть в холодной воде, выискивая свои утопии патроны; недопитое яйцо он держал высоко в свободной руке.

Девчонка закарабкалась куда-то недосыгаемо, затаилась среди рваных пакетов, и, наверное, молилась там своему беспризорному богу, чтобы брокер не все пульки со дна достал. Остальные, имея в виду Артемов автомат, лезть на рожон убоялись.

– От денег счастья нету! – приговаривал Олег. – Человеку много не надо. Что мне, одно яйцо или десять? Одного мне аккуратно хватает. А от десяти заворот кишок может быть! Всегда так жил и еще проживу.

Но тут подлый бог бомжей учел девчачий шепот, вырвал волос из своей бороды колтуном, произнес абракадабру, и брокер Леха вместо патрона поймал гребущей пятерней бутылочный осколок. Вытащил – порез как раскрытый младенческий рот, тошнит черной кровью.

– Суки! Ну суки вы тут все! – Леха прямо заплакал от злости, смял чертово яйцо и зашвырнул его в темень.

Люди ошеломленно стихли.

– Гад! Гадина! Ты что же... Что же ты... – Олежек прямо обомлел от того, как быстро и жестоко хрустнула скорлупа, и как мгновенно она канула. – Ты гад! Гадина ты паршивая! Скотина ты!

Он полез вместе с Рябой по острой воде голыми ногами искать, куда запропастилась скорлупа – вон, кажется, она белела – но до нее первой голодная крыса добралась, вцепилась и потащила, вереща, куда-то на свой круг, и там сгинула.

Это Олежка привело в отчаяние.

Он посадил куру на жердочку и попер на брокера, нелепо размахивая руками. Столько лет в метро пробыл, а драться не научился. Брокер ткнул его коротко левой в подбородок и сразу опрокинул. С поддона, купая бороду через дырявые доски, Олег бубнил отчаянно и униженно:

– Жизнь всю мне... Скотина... Жизнь мою всю... Об колено... Торгаш херов... Ученый... За что? За что ты меня?

Люди от переживания подались вперед. Артем на всякий случай перещелкнул предохранитель на автомате, взялся посподручней. Но вступаться за бедолагу никто не спешил.

– Ну вот и Олежеку раздали, – шепталось вокруг.

– А и не хер.

– Будя жировать.

– Пусть как все теперь.

Олежек заплакал.

– Да на Ганзе вон песку! На Новослободской ремонт. Пускай песок поклюет... – попробовал утихомирить его Гомер. – Да у нее, может, и еще одно так получится, на внутреннем резерве...

– Умник! Понимаешь ты в куриных резервах! А на Ганзу сам и иди! Песочку-то вам там сыпанут!

Леха, потерянный, сжимал здоровой рукой запястье резаной, страшноватый рот в его ладони не закрывался, и всем ясно было, что брокера нужно срочно, вот прямо сейчас, заливать спиртом, потому что в этом поганом мелководье водится такое всякое, что через день Лехе будет неременная гангрена.

– Самогон тут есть у кого? – крикнул Артем драным джунглям. – Сполоснуть!

В ответ ему похихикали по-обезьяньи глумливо. Самогон, ага. Сполоснуть.

– У вас же вон! Полстанции в хлам! Гоните ведь из чего-то?

– Хоть и из говна бы! – попросил Леха.

– Так это они глисту сосут! – объяснил кто-то сочувствующий. – Глиста им мульты показывает. А спирту в ней нет!

– Ни хера не могут! – разозлился брокер. – Сухорукие!

– А иди у солдатиков попроси, – посоветовали ему.

– Да, да, у солдатиков, – засмеялся другой.

– Правда! – Артем взял Леху за плечо. – Пойдем к погранцам. Вернешься на Ганзу. Визы стоят же. А свитер этот ушел уже давно. Заклеят тебя, а там разбежимся.

– Куда?! – вскричал Олежек. – Вы куда собрались?! А я?! Мне-то что делать?!

– Я к этим обратно не пойду! – заартачился брокер.

– Куда собрались?.. – не слышал Олежек. – Вы мне всю алгебру поломали!

– Так, дядь... – Артем взялся за рожок, чтобы выщелкнуть оттуда Олегу утешение, но тот иначе все понял.

– Палач! Каратель! Убить меня?! А и стреляй! – он поднялся с колен, схватил ствол и ткнул его себе в живот.

Громыхнуло.

Отлетела, порхая оципантыми крыльями, курица, забегала полоумно по поддону. Люди обалдели, оглохли. Звенело бесконечное эхо, уплывая по подземной реке.

– Ты что? – спросил у Олежка Артем.

Тот сел.

– Вот так вот, – ответил он.

Пиджак на животе у Олежка мок чем-то блестящим, которое, стекая ниже, на белой полиэтиленовой юбке уже понятно виделось, как жидкая оранжевая кровь.

Нелепица какая-то.

– Ты что это, дядь? – спросил у него Артем. – Ты зачем?

Олег поискал глазами курицу.

– На кого Рябу оставить? – грустно и слабо сказал он. – На кого ее оставить? Сожрут.

– Ты зачем, идиот, это сделал?! А, идиотина?! – Артем заорал от никчемности своей, Олежкиной, и всеобщей.

– Не кричи так, – попросил Олег. – Умирать тошно. Иди, Рябушка... Иди ко мне...

– Вот ты сволочь! Вот ты идиот! Бери его! Бери его живо за ноги! На Ганзу пошли! – кричал брокеру Артем, принимаясь за Олеговы подмышки.

Но Леха своей раззявленной рукой ничего держать не мог. Тогда Артем всучил Гомеру баул, навьючил брокера рацией, а сам взял Олега – легкого, обмякшего – и на закорках потащил его к переходу.

– Вот те и Олежка, – сказали в толпе.

– Был, да сплыл.

– И яйцо не спасло.

Гомер пошагал следом; и Леха тоже, глупо глядя себе в ладонь. Курица, оправившись от контузии, завохтала и помчалась, перелетая с поддона на поддон, за хозяином. И все болельщики процессией двинулись за ней, потирая руки и похихикивая.

Кроме одного.

Стоило отойти, как с лесов скользнула вниз половинчатая тень, прижалась к доскам лицом, сунула ручонку в грязь, в битое стекло – ничего не страшно, на беспризорниках все само зарастает, у них кровяка сама любую гангрену перемелет, а смерть собирает только изнеженных домашних детей, ей о сирот костлявых зубы сточить не хочется.

К тому моменту, как они вернулись в центр зала, к ступеням, которые из моря подземного поднимались на те самые восемь метров в небо далекое, леса вокруг были уже увешаны менделеевскими. Гвалт стих, все ждали чего-то.

Артем вылез на берег, установил свои болотные сапоги на гранит, и забухал ими вверх, оставляя за собой грязные лужи.

– Эй, мужики! – крикнул он пограничникам, тяжело поднимаясь. – У нас тут ЧП! В лазарет нужно! Слышите?

Менделеевские, перешушукиваясь, сгрудились и жадно глядели.

С той стороны не было никакого ответа. Мертвая тишина стояла.

– Мужики! Слышите меня?

По ступенькам журчал ручеек, переливая порченую кровь от поправляющейся Новослободской – к лихорадящей Менделеевской; и журчание это было ясно и отчетливо. Артем еще на одну ступень поднялся, через плечо шикнул, позвал за собой застрявших в самом начале небесной лестницы: Леху, Гомера.

– Не пойду! – упрямо затряс головой брокер.

– Ну и хер с тобой!

А как так получается, подумал Артем, что вот она, Ганза – сытая, подмытая, на пробор причесанная; и рядом с ней, в восьми метрах в глубину – пещера и пещерные люди? Сосуды ведь сообщаются, почему же возможно, что...

Все они были на месте. Командир имел вид озадаченный: все время трогал шею, потом на руку смотрел. Еще двое курили; и это почему-то Артема успокоило. Курят – значит, люди.

– Раненого в лазарет... Огнестрел... Случайно вышло... – запыхтел он, подтаскивая Олежка к мешочным брустверам.

И правда, вон сколько песку, думал Артем. И ради чего Олежку помирать?

– Станция Новослободская на вход закрыта, – сказали ему. – Карантин. Же предупреждали.

Артем подобрался еще поближе, насколько мог, но бойцы, не выпуская самокруток из зубов, вскинули стволы.

– Стаааять, – произнес командир.

А на кого досада? Артем присмотрелся.

Отсюда уже было понятно: командиру удалось все-таки прыщ скovyрнуть. Теперь прыщ точил по капельке кровь; только командир утрется, а оно снова набирается, набухает. Опять доить нужно.

– У нас визы! Визы! Только что от вас!

– Ряба-то где моя?

– Шаг назад!

Он даже не глядел ни на Артема, ни на Олежека простреленного. Только на пальцы, на красные капельки. И смешно косил глаза вбок, как будто надеялся шею свою увидеть расковырянную.

– Договоримся, может? Только до травмпункта... Мы заплатим. Я заплачу.

Бойцам было все равно: их курево успокаивало. Они ждали терпеливо от начальника – стрелять или не надо. Олежек их не затрагивал.

– Ты дикого нам, что ли, тащишь? – раздраженно спросил у прыща командир.

– Рябушка.

– Гляньте, это же тот, с яйцом! По килту узнал! – обрадовался наконец один из рядовых.

Курица, пойманная Гомером, била глупыми слабыми крыльями. Хотела за хозяином – на небо.

– Дикого? То есть – дикого?

– Шаг назад!

– Да он подохнет тут сейчас!

– Виза есть у него? – командир вспомнил что-то; достал из кармана обрывок бумажной салфетки, заткнул им свою рану.

– Нет у него визы. Не знаю!

– Шаг назад! Раз. До трех.

– Временно его хоть! Хоть дырку зашить!

– Два, – командир отнял салфетку, поглядел – много ли крови натекло? – и остался недоволен.

– Обидно как. С яйцом. Обидно.

– Пустите, суки!

– Слышь, донкихот! Они ж там как мухи... – сказал Артему один из бойцов.

– Ты их всех переспасать собрался? Спасалка коротка! – хмыкнул другой, отплеывая дотлевшую самокрутку.

– Пожалуйста! Ну? Пожалуйста!

– Три. Нарушение государственной границы, – командир поморщился: прыщ никак не затыкался.

В первый раз он на Олежека посмотрел, чтобы в него прицелиться.

Чиркнуло, как кремь, тукнуло – автоматы с глушителями, берегут на Ганзе солдатские уши! – и выщербило пулей стену, и клюнуло потолок. Пыль вниз опустилась, как занавес.

Спасла только служба у Мельника. Наука телу без ума обходиться. Кожей чувствовать, где автоматное дуло свербит будущей гибелью, и падать, на землю бросаться, отклоняться от гибели, ничего головой еще не понимая.

Упал, свалил с себя живой куль, пополз, вытаскивая Олежка за собой. По ним еще стреляли, стараясь попасть, но пыль мешала.

– Суки вы!

Хлестануло тут же еще – на голос. Бетоном окрошило.

Обезьяны сзади заулюлюкали восторженно.

– А вот, хлебани нашенского!

– Песочку всыпали?

– Думал, ты белый человек, а?

– А давай, еще разок попробуй!

Тут можно было только бесполезно умереть. Больше ничего не поделать.

Артем скатился на одну ступень вниз, еще на одну. Подтянул Олега. Тот напряженно дышал и старался особо не кровить, но бледнел и бледнел.

– Слышь, дядь! Ты даже не думай, ясно? Как выбраться от вас?! На Цветном бульваре должно что-нибудь... Должно же что-нибудь там, а, дед?!

– Бордель там был, – вспомнил Гомер.

– Вот. При борделе врач может быть. Может же? Поплывем туда. Ну-ка не засыпай мне тут, сука! Я тебе сейчас... Не спать!

Но до борделя не доплыть было. Ни Олежку, и никому. Не на чем. Оба канала по краям платформы были с пустым берегом.

– Зря. Не жилец он, – сонно приговорил Олежка брокер.

– Сейчас, – сказал Артем. – Сейчас.

– Мне умереть хочется, – подтвердил Олег. – И яйцо мое разбили. Очень устал жить.

– Пасть заткнул свою! Нашел, как отсюда выгрести! – Артем стволом пихнул застывшего брокера. – А ты покажи пузо!

Ну что: грязная кожа, в коже дыра, перекачивает жиденькую водицу изнутри наружу, все перемазано. Гомер тоже посмотрел, пожал плечами. Умрет или нет, одному Всевышнему известно. Умрет, наверное.

Леха взялся за своего нательного Христа, как за парашютное кольцо, зашевелился и пошел, оскальзываясь, пригибаясь, искать спасение. Из волчьей ямы выход искать.

Кто это виноват, хотел определить Артем. Он сам виноват, этот человек с яйцом. Я не стрелял в него. Когда он умрет, он сам будет в этом виноват.

– Куру он, между прочим, мне обещал, если сдохнет, – сказала совсем над ухом коренастая женщина со сдутой грудью и заплаканным глазом. – Нас с ним много связывало.

– Уйди, – слабо попросил Олежек. – Ведьма.

– Не бери грех на душу. Тебе там кура не нужна будет. Скажи им давай. Пока еще можешь.

– Уйди. Дай о Боге подумать.

– Куру завещай и думай. А лучше сразу ее мне...

Курица прикрыла глаза под Гомеровой ладонью. Ей уже было все равно.

– Как выбраться отсюда, тетя? – спросил Артем у синячной.

– Да куда тебе, сладкий? И зачем? Тут ведь тоже люди живут. Куру можно и вместе держать. Олежек вот околет... А уж с тобой-то мы договоримся! – она подмигнула тем глазом, который еще мог мигать.

Это не я его убил, решил Артем.

– Эй! Эй!

Какая-то песня послышалась, принеслась издалека.

Марш.

– Эй! Там!

– Что?!

– Там плывут кто-то! Из туннеля плывут!

Леха стоял, удивленно пялясь на сработавшего Иисуса.

Артем подхватил Олежка, который, высыхая, все легче становился, и они побежали медленно к пути-каналу.

Там и вправду показалось что-то. Плот? Плот!

Светил головной фонарь, плюхали весла, бодрился нестройный хор. Гребли со стороны Савеловской – и шли как раз в направлении Цветного.

Артем выковылял навстречу, чуть не проваливаясь вместе с раненым в канал, чтобы по-идиотски в последний момент утонуть.

– Стойте! Эй! Стойте!

Весла перестали частить. Но было не разобрать еще, что там. Кто там.

– Не стреляйте! Не стреляйте! Возьмите нас! До Цветного! Деньги есть!

Плот подползал поближе. Ершился стволами. На нем было человек пять, вооруженные.

И – теперь можно было увидеть – оставалось место еще для нескольких.

Все собрались на краю: Артем с умирающим, Гомер с курицей, и Леха со своей рукой. Их по очереди обследовали широким лучом.

– Вроде не уроды!

– За рожок доставим! Залазь...

– Слава тебе... – Артем не договорил даже; хотелось петь.

С таким сердцем, будто это его родного брата помиловали, он положил Олежка на плот – непотопляемый, связанный из тысячи пластиковых бутылок, наполненных пустотой. И сам свалился около.

– Смотри у меня, только попробуй околеть до Цветного! – внушил он Олежку.

– Я не поеду никуда, – возразил тот. – Ехать еще куда-то. Смысл.

– Не увози его! Не рви женского сердца! – причитнула баба с синяком.

– Да куда ты его повезешь? – высказались в поддержку из джунглей. – Не мучь человека, оставь тут. Здесь жил, здесь и душу отдаст.

– Да вы его сжуеете раньше, чем он окочурится!

– Обижаешь!

Препираться времени не хватало: отплывать пора.

– Куру! Куру оставь! Чтоб тебе на оба глаза ослепнуть!

* * *

Уехала в прошлое станция Менделеевская. Впереди было плавание по сливной трубе на другой край света, откуда им маяком мерцала жизнь.

– А вы куда сами-то, братцы? – спросил у бутылочных гребцов брокер.

– В Четвертый Рейх плывем, – ответили ему. – Добровольцами.

Глава 7

Цветной

Толкнулись бортом в утопленника. Тот болтался горбом кверху, руками дно ощупывал. Потерял что-то там, наверное. Жалко было его, до Цветного всего чуть не доплыл. Или это он оттуда далеко сбежать не успел?

– У вас-то с уродами как?

Артем притворился, что это не его ковыряют вопросами. Промолчал. Но там не сдавались.

– Эй, друг! С тобой, с тобой! Говорю, у вас на Алексеевской с уродами как?

– Нормально.

– Нормально – это значит, что есть, или вы своих всех перебили?

– Нет у нас никаких уродов.

– Есть. Они, друг, везде есть. Они как крысы. И у вас должны быть. Ныкаются, суки.

– Учту.

– Но вечно-то они прятаться не смогут. Вычислим. Всех до единого, тварей, вычислим. Всех линеечкой, всех циркулем... Да, Беляш?

– Точняк. В метро для уродов места нет. Самим дышать нечем.

– Они ведь не просто грибы жрут, это они наши, наши грибы жрут, сечешь? Мои и твои! Нашим детям места в метро не хватит, потому что ихние все займут! Или мы их, или они...

– Мы, нормальные, вместе должны держаться. Потому что они-то, твари, кучкуются...

Артему положили руку на плечо. По-товарищески.

Один был: одутловатый, под глазами мешки, борода клином, руки пухнут от лишней воды. Другой: весь в пороховых кружевах, морда в оспинах, лоб в два пальца высотой. Третий: обритый жлоб со сросшейся черной бровью; этот точно не ариец. Еще двое таяли в темноте.

– Люди как свиньи, чуешь? Сунули пятак в корыто и хрюкают. Пока им туда помоев подливают, всем довольны. Никто думать не хочет. Фюрер меня чем зацепил? Говорит: думай своей головой! Если на все есть готовые ответы, значит, кто-то их для тебя подготовил! Задавать вопросы надо, понял?

– А вы сами-то раньше бывали в Рейхе? – спросил Артем.

– Я был, – сказал оспяной. – Транзитом. Проникся. Потому что правильно все. Все на свои места становится. Думаешь: сука, раньше-то я где был?

– Точняк, – подтвердил обритый.

– Каждый с себя должен начинать. Со своей станции. С малого, с малого начинать. Вот взять, прошерстить соседей хотя бы. Героями не рождаются.

– А они есть. Везде есть. У них типа мафии своей. Друг друга тянут. Нормальных не пускают.

– У нас на Рижской такое прям. Сколько ни бейся, как лбом об стену! – заметил Леха. – Это из-за них, что ли? Как они выглядят-то хоть?

– Они, чуешь, другой раз так спрячутся, от человека не отличишь. Поскрести приходится.

– Жалко, не все втыкают! – поддержал отечный обритого. – У нас на станции начал уродов вычислять... В общем, люди не все еще готовы, – он потер челюсть. – Некоторые скрещиваются с ними, прикинь, мерзота?

– Главное, запоминать всех. Всех, кто на наших руку поднимал. Кто душил нашего брата. Придет еще времечко.

– Я говорю: давайте с нами! – оспяной никак не убирал руку с Артемова плеча. – Добровольцем! В Железный легион! Ты же наш! Ты наш ведь?

– Не, мужики. Мы в политике по нулям. Мы – в бордель.

Горло прямо сдавило. А рука эта жгла сквозь водолазку: вот-вот паленым потянет. Хотелось извернуться по-ужьи, уйти из-под этой руки. Да куда?

– А не обидно? Его зовут метро спасать, а он – в свое корыто пятаком обратно. Ты вообще думал хоть, почему мы в таком положении оказались? Как выживать нам, людям, думал вообще? Своей головой? Ни хера ты не думал. Только по шлюхам. Мокрощелки тебе интересно, а будущее нации тебя не колеблет.

– Чуешь, Панцирь, забей! Может, он там уродку шпилит? Хххы! А?

– Э, дед, может ты хоть? На старости лет пора и о душе! Ты-то же нормальный должен быть! Или – с рачком? Фюрер вот приравнял, говорят...

– Ниче. Вот Железный легион соберут, и тогда... Сейчас потренируемся... А потом вернемся и припомним всем... Тварям. Пройдемся еще по метро. Маршем.

– Че за Железный легион? – не выдержал Леха.

– Добровольческий. Для своих. Кому уроды жить не дают.

– Мой случай!

– О! Вон там... Тихо... Приехали, гля.

На Цветном бульваре их встречал прожектор, так что подходить к станции пришлось зажмурившись, чуть не вслепую. Вместо дозорных тут стояли вышибалы; ни визы, ни паспорта их не интересовали. Только патроны: тратить приехали, или слюни пускать?

– Врача надо! Есть врач?! – едва пристали, Артем выкарабкался на платформу, дернул за шкурку брокера.

Олежек уже сдался и ничего больше не бредил. Ртом у него шли красные пузыри. Верная курица прикорнула на его дырявом животе, чтобы не дать Олежкиной душе через дырку выдохнуться.

– Врач или медсестра? – загоготал раскуроченный охранник: нос вплюснут, вместо ушей загогулины.

– Ну умирает человек!

– А у нас и ангелы найдутся.

Но все же показали: ладно, вон туда к врачихе.

– Она, правда, по дурным болезням у нас. Так что насчет пули извините, зато триппер в два счета определит.

– Берись, – велел Артем брокеру.

– Последний раз, – предупредил тот. – Это не я его, вообще-то.

– Никому-то ты не нужен, – передал бессознательному Олежку Гомер, принимаясь за одну ногу. – Одной курице.

– Кстати! Курица! – сказал Леха.

Двинулись через станцию. Она, по Гомеровым расчетам, должна была еще глубже лежать, чем Менделеевская; однако воды тут было ровно, чтобы превратить пути в каналы, а сама платформа оставалась сухой. На удивление Гомера, почему так, Леха объяснил: ну не тонет же, мол, оно.

Чем там был Цветной бульвар раньше, уже нельзя было понять. Теперь тут устроился один сплошной вертеп. Разбитый на кабинки, комнатки, зальчики, разграниченный фанерой, ДСП, коробочным картоном, ширмами раздвижными, шторками, занавесками – Цветной превратился в непроходимый лабиринт, в котором все измерения были нарушены. Не имелось на этой станции ни пола, ни потолка. Где-то смогли втиснуть под крышу два этажа, а где-то три. Какие-то дверки вели из висящих тесных коридорчиков в номера размером с койку, а другие такие же – в подплатформенные помещения со всю станцию размером; а третьи – и вовсе неизвестно, куда.

Гудело тут дико: каждая комната звучала на свой лад, а комнат была тысяча. Где-то плакали, где-то стонали, где-то смеялись, где-то пытались перебить крики заводной музыкой, где-то орали пьяные песни, а где-то были от ужаса. Вот какой общий голос был у Цветного: как у чертей хор.

Ну и, конечно, женщины.

И ангелы блядские, и строгие в погонах, и в дырявых чулках роковые, и медсестры с голой жопой; и просто шлюх вульгарных, без придумки – целая дивизия. Сколько могло поместиться – ровно вот столько и поместилось. Все кричат, зовут, прелести преувеличивают, взгляд арканят, у каждой времени в обрез: на один змеиный бросок, пока мимо нее проходят, вот эти полметра. Не прокусила, соскользнула, не прыснула в царапинку любовного яду – все, ушел.

Кто не работает, тот не ест.

Леху сразу обезболило, даже будто рана затягиваться начала. А Гомер тут был не в своей тарелке; только в самом начале, как нырнули в витой и бесконечный коридор, он вдруг выкрутил свою окостеневшую шею так, как она и вывернуться не могла, назад – и потом все оглядывался, оглядывался через плечо.

– Что, дед? – спросил у него Артем.

– Кажется... Все время кажется... Везде... Все время... – ответил Гомер. – Девчонка одна... С которой... Которая...

Олежкина голая нога стала ускользать от Гомера.

– Молодец, дед-то, а? – пропыхтел Леха.

– Держи лучше. Вон. Вон та дверь!

Занесли умирающего внутрь. Там была очередь из раздраженных душ; и из зудящих тел. Одни бабы. Вышла врачиха – в толстых очках, с самокруткой, сиплая и мужиковатая.

– Не жилец! – уведомил ее брокер на всякий случай.

Чтобы Олежек не пачкал приемную последней кровью, его согласились сразу взять в оборот. Уложили в растопыренное женское кресло, взяли рожок патронов авансом, если все равно околет, и сказали не ждать.

Лехе дали спирта рот в руке напоить, но он все равно в очереди остался.

– Тут-то они как люди сидят, а не как профессионалы, – объяснил он Артему шепотом, кивая на печальных дам. – Вдруг ту самую встречу?

Вдруг. Ну, попрощались.

Что мог – сделал, объяснил себе Артем. На этот раз сделал, что мог.

Гуляй смело.

* * *

– Вот: или туда, или сюда.

Сидели в какой-то комнатенке. Рядом гнулась на шесте некрасивая и недокормленная девчонка лет четырнадцати; груди у нее не было совсем, и жалостливо торчали ребра, натягивая застиранное трико. Она все лезла своими костями Артему в миску с супом, а ему было страшно обидеть ее, совсем прогнав, потому что других клиентов у нее не имелось, и он просто делал вид, что ни шеста никакого тут нет, ни девчонки. Или так еще обидней ей было? Где у проститутки гордость, в каком месте? Неизвестно. Суп был дешевый зато, а считать уже приходилось. Быстро ушли патроны – и ни на что.

На стене висела карта метро. Про нее и говорили.

От Цветного бульвара дальше шли две дороги. Одна – по прямой – на Чеховскую. Другая – через переход – к Трубной, и потом на Сретенский бульвар. И по первой можно было,

если карте верить, к Театральной попасть, и по второй. Но по обеим – нельзя. Давно карту рисовали.

Пересадочный узел – Чеховская, Пушкинская, Тверская – теперь по другому именовался: Четвертым Рейхом, и приходился якобы наследником Третьему. Может, завешание подделал, а может, и перевоплотился.

Режим убить можно, империи дряхлеют и мрут, а идеи – как бациллы чумы. Они в мертвецах, которых сгубили, засохнут и уснут, и хоть пять веков так прождут. Будешь туннель рыть, наткнешься на чумное кладбище... Тронешь старые кости... И неважно, на каком языке раньше говорил, во что верил. Бацилле все сгодится.

А бывшая Сокольническая ветка, пополам рассекающая метро, давно стала Красной Линией. Не по цвету так названной, а по исповеданию. Уникальный эксперимент: построение коммунизма на отдельно взятой линии метро. Формула та же – всеобщая электрификация плюс советская власть. Ну и прочие переменные этого уравнения; которые на самом деле и не переменные вовсе, сколько бы времени ни прошло.

Иные-то мертвецы пободрей живых будут.

– Я на Рейх не могу, – Артем помотал головой. – Нельзя. Чеховскую вычеркивай.

Гомер посмотрел на него вопросительно.

– Кратчайший путь все-таки. С Чеховской на Тверскую, а там Театральная следующая уже.

– Вычеркивай! У меня там...

– Ты русский же? Белый.

– Не в этом дело. Меня там... – Артем поманил пальцем скачущую в отчаянии девочку. – Иди, супу поешь. За мой счет. Не висни тут.

Как-то не могло ему откровенничать вслух после ганзейских разговоров. Везде свитера мерещились.

– Не важно, что. Через Рейх не пойду. Я, знаешь, этих паскуд... На плоту, когда плыли сюда... Еле усидел. Не было бы их пятеро... С пятерыми как-то... Несподручно. Нежилец еще этот наш... С яйцом...

– Дурацкая ситуация... – Гомер пригладил дремлющую у него на коленях курицу. – Жалко мужика.

– Длинный день сегодня какой, – Артем утерся. – Эй! Эй, официант!

– А? – официант был пожилой, неопрятный, равнодушный.

– Что есть? Самогон есть?

– Грибной. Сорок восемь градусов.

– Да. Будешь, дед?

– Грамм пятьдесят если только. И колбасы. А то развезет.

– И мне сто.

Принесли.

– Бесконечный какой-то день. Давай за идиота этого, что ли. За Олежка. Чтобы жил. Чтобы не снился мне со своим яйцом.

– Ладно. Глупая история совершенно. Нелепая.

– И мне ведь близко чиркнуло. Знаешь, вот ничего не чувствуешь. Вжик. А сейчас думаю: могло уже все кончиться. И не худшим образом. Тебе бы подошло для твоей книжки? Рраз! И такая концовочка, а? Случайная пуля.

– Ты правда думаешь, что тебя там убить могли?

– Может, и к лучшему бы, а?

– В трех станциях от Театральной?

– В трех станциях... – Артем опрокинул еще; оглянулся на утопившуюся в супе танцовщицу, на кислого официанта. – Он там есть вообще, этот радист, а, дед? Правду скажи. Куда я иду вообще? Зачем?

– Есть. Петр. Умбах, кажется, фамилия. Петр Сергеевич. Познакомились. Мой ровесник.

– Умбах. Это прозвище? Как будто из Рейха сбежал. От паскуд этих.

– Вам еще?

– Нет. Нет-нет. Ну, допустим. Спасибо. Не думаю, что из Рейха. Просто...

– Меня ведь там чуть не вздернули раз, дед.

– А? Но ты-то же не... Или?

– Стрельнул их офицера. Так вышло. И потом еще... Короче. Из петли достали.

– Можно? Вот столечко. Хватит-хватит! А ведь достали, а? Я вот, знаешь, думал...

Как и кто умирает. Куда в жизни добирается. То есть, я, конечно, романтический старый дурак, но... Ты ведь ни сегодня не умер, ни тогда. Может, не судьба тебе? Время не пришло?

– И что? А вот ребята, пацаны, с которыми мы... С которыми мы бункер от красных... Из Ордена ребята. Из моего звена один Летяга остался. И то еле-еле. А сколько там полегло? Ульман, Шляпа, Десятый... Они вот, к примеру, что? Почему им – тогда было умереть сказано? Плохо себя вели?

– Да боже мой, нет!

– Вот. Вот, дед. Эй, дядь! Принеси еще отравы своей! Работай, работай!

– Это... Это та история, которую ты у Свинолупа в кабинете? – подождав, пока нальют и пока удалятся, осторожно спросил Гомер. – Это про Корбута, да? Начальника контрразведки у красных? Он всех своих бойцов на Мельника бросил... Так? Без санкции партийного руководства?

В фанерную стену мерно застучали с обратной стороны – то ли спинкой кровати, то ли головой – и, распалаясь, громче и громче замычали.

Они помолчали, послушали, вытаращили глаза, перемигнулись. Наклонившись к Гомеру через карликовый стол, Артем выдохнул:

– Контрразведки... Председатель КГБ он был. Красной Линии. А с санкцией или без санкции... Сам подумай: председатель! В общем, я был вместе с пацанами в том бункере. Весь Орден. Сколько нас было? Пятьдесят? Против батальона. И непростого батальона. А если бы бункер красным достался... Там склад был.

– Я слышал что-то. То ли консервов, то ли лекарств.

– Консервов, ага. Но таких, которые если откупоришь... Думаешь, жратва красным нужна? Всегда они без нее жили и дальше прожили бы. Химоружие. Консервы! Отбили. Консервы твои наверх вынесли. Половину наших похоронили. Вот и вся история. Не чокайся.

– Не чокаясь.

– И Мельник... Ты его в коляске уже видел. А до того не встречался?

– Да. Но он и в коляске... Боевой такой...

– Это человек, который Орден сам – сам! – по человечку собирал. Лучших. Двадцать лет. И вот, в один день... Я-то с ними год всего прослужил... А как семья. А ему? И – инвалидом. Руки – правой! – нет. Ноги не ходят. Представь. Он – в коляске!

– А ты, я так понимаю, служил в Ордене с тех самых пор, как черных ракетами... Вы же вместе с Мельником эти ракеты нашли, верно? И если бы не нашли, черные бы все метро сожрали. И после он тебя в Орден принял. Как героя. Так?

– Давай сразу еще по одной, дед.

За стенкой кричали так, что даже курица очнулась. Пленка сонная слезла у нее с глазных ягод, и Ряба попыталась вспорхнуть.

– Па-алетела душа в рай, – сказал Артем, пытаясь заграбастать куру пьяной рукой. – И вот что интересно. Маршрут тот же. Смотри. Нам отсюда куда теперь? Только к Трубной.

И оттуда – до Сретенского бульвара. На Красную Линию, прости уж, тоже не хочу. Такой у тебя спутничек. А тогда получается – дорога одна. На Тургеневскую. Потом по нашей ветке... До Китай-города. Гиблый там туннель был... Злой. И до Третьяковской. Два года назад по тому же маршруту шел... Черт. Сколько всего в два года влезло. А от Третьяковки – к Театральной. Тогда я, правда, к Полису шел...

– Это тот самый поход? Вот когда с черными?..

– Вот когда с черными. Слушай, подруга, иди лучше еще супу поешь. Правда. Я женат. Кажется.

– Нет-нет... Мне тоже ни к чему, спасибо... А что... Почему?.. Дочь Мельника... Твоя жена ведь?

– Моя жена. Моя жена раньше снайпером была. Папаша натаскал. А теперь грибы вот... Где тут он был у меня... Гриб...

– А Мельник?.. За что он тебя?

– Он меня за то, что она меня... Лучше скажи, дед... Что за история? С тобой и блондинками?

– Я... Не понимаю.

– Про девчонку ты какую-то говорил. Что-то было у тебя. А то ты все расспрашиваешь меня, пытаешь. Дай и мне спросить.

– Не было. Ничего... Она... Как дочь мне. В прошлом году. Я бездетный сам. И... Девчонка молодая. Прирос. Не то как отец, не тот как дед, правда... Не как... И погибла.

– Как звали?

– Саша. Сашей звали. Александра. Станцию... Затопило. И всех. Ладно. Давай, что ли... Не чокаясь опять.

– Дядь! Э! Еще, и колбасы!

– Кончилась колбаса. Глиста маринованная есть. Но от нее... Ее умеючи надо.

– А остаться можно у вас тут? На ночь?

– Комната только с бабой сдается.

– С бабой... С этой, что ли? Беру. Эй. Сегодня отгул. Иди. Иди.

– И ведь... Говорю себе, что погибла. Что нет. И все равно везде вижу. Встречаю. С этой жуткой кобылой перепутал... Как я мог? Она... Саша... Такая была нежная... Светлая такая девочка. И только выбралась со своей станции... Всю жизнь, представляешь? На одной станции. Сидела вот на таком же велосипеде без колес... Ради электричества. Воображала себе что-то. И еще пакетик у нее был от чая. С рисунком. Какие-то горы там... Зеленые. Китай, что ли. Лубок такой. И вот весь мир, представляешь, весь мир для нее был – этот пакетик. А вот... А вот кто такой Женья?

– Кто такой Жженья?

– Да, кто? Ты с каким-то Женькой, как забудешься, разговаривать начинаешь.

– Друг мой. Друг детства.

– А что он? Где? Всегда с собой? Слышит тебя?

– Где. Там же, где Саша твоя. С ним по-другому и не поговоришь.

– П-прости. Не хотел.

– Это я не хотел. Чтобы это всякие слышали. Не буду больше. Я все понимаю: Ж-жени нет, Артем. Точка.

– Простишь?

– Все, хер с Женей. Закончили. Афиц-цант! Уговорил! Давай сюда глисту свою. Порежь только... Помельче. Чтобы непонятно было. Жалко твою Сашку.

– Сашеньку.

– Может, надо было ей и оставаться на своей станции? Может, нам всем надо было просто оставаться на своих станциях, а? Не думал? Я вот иногда думаю... Сидеть дома и никуда не ходить. Грибы растить. Хотя... Женька остался вот, и что?

– Я. Я что говорю-то... Я ведь раньше машинистом был. Метро. Настоящим машинистом метро, да-да. И... Вот теория у меня... Сравнение такое, как бы. Что жизнь – как ветка... Как рельсы. Есть на ней стрелки, которые рельсы эти переключают. И конечная – но не одна, а несколько. Кому – просто отсюда туда, и все. Кому – в депо на покой. Кому – через секретный межлинейник на другую ветку перескочить. То есть... Конечных много может быть. Но! Пункт назначения у каждого – только один! И – свой! И надо на путях все стрелки правильно переключить, чтобы попасть именно в пункт назначения! Сделать то, ради чего вообще появился на свет. Я понятно излагаю? И вот, я начал говорить, может быть, я старый дурак, и это все дурацкая романтика... Но от случайной пули умереть... Или вообще не выходить никуда... Это все не твое, Артем. Мне кажется. Не твой пункт назначения. У тебя – другой. Где-то.

– Твоими бы устами, – Артем выпустил дух. – А ты на какой линии служил? Твой-то пункт где был?

– Я? – Гомер махнул еще стопарь. – Я на Кольцевой.

Артем скривился. Подмигнул старику.

– Смешно. А глиста ничего. Если не знать, как она называется... А?

– Я не буду.

– А я буду. Вот что, дедуль: встречал я уже людей, которые мне про жизнь, про судьбу... Про предназначение. Х-херррня. Ересь. Понял? Ничего нет. Есть пустые туннели. И ветер по ним дует. Все!

Он сгреб в сосущий желудок остатки глисты и поднялся на воздушных неверных ногах.

– П-пойду па-ассу.

Выпал из одной комнатенки в другую – за фанерку – и все изменилось. Был бар с шестом и беднягой в трико, потолок два метра, а стала – проходная, коридор, в котором матрасов набросано, и на матрасах возятся голые люди, кто – не спеша, кто – яростно, задевая друг друга, пытаюсь найти точку опоры, выставляя голые пятки, нащупывая ими твердь; стены заклеены страницами из порножурналов, выцветшими и выдохшимися. Низко – не разогнуться. Качнулся дальше...

Огромный живот в курчавых волосах, а на голове совсем волос не осталось, подтяжки полосатые, сидит на продавленном диване, и на каждом колене – по нимфе, а стены в обоях таких, таких домашних, как наверху, в брошенных квартирах бывает... Гладит девчонок по голым спинкам, они выгибаются, как кошки... Целует одна другую... Жир колеблется, трясется... Он хватается за затылок одну, по-другому, грубо. Гаснет свет... Дальше на ощупь.

– Где тут сортир?

– Дальше!

Рояль разбитый дребезжит, настоящий рояль! И прямо на крышке разложили дородную мадам, один окорок вправо, другой влево, мадам пищит тоненько, посередине усердствует человек в джинсовой куртке; поджарый зад с ямками утоплен в мясной роскоши... Плывет потолок... На потолке что это нарисовано? Нет... Дальше нужно.

Трое в черной форме: говорят, в старом мире ее для железнодорожников сшили, но она и в новом себе хозяев нашла; на рукавах – трехлапые пауки, черные в белом круге: триумвират Чеховской, Тверской и... Пушкинской. Точно. Тут же всего один перегон до них. Они сюда каждый день, наверное... Ночь. Прямо стоя, ей задрал, себе спустил... Она закусила губу, терпит... Еще двое в очереди, готовятся. Дисциплина. Рояль тут еще слышно, и этот черный будто подстраивается... Сразу два выхода: направо и налево.

– Где...

А вот опять по-простому. Ноль декора, тела вповалку, как ров с растрелянными, и шевелятся так же вяло, как недобитки... Дурь клубится, ползет в щели из комнаты – соседям ноздри щекотать. В глаза этот дым, в легкие, в голову, в сердце. Дальше, дальше... Откуда же он шел, Артем? Как он назад возвращаться будет?

Прямо или налево?

Вот черт с исхлестанной задницей, и над ним трудится плечистая такая... Где они берут белье это, Господи? Ведь с трупов наверху снимают... Качественное белье какое, импортное...

Мальчик-одетый-девочкой навстречу, утирает губы рукавом платья, а у самого усы; как в цирке уродов – бородатая женщина... Тут ведь раньше цирк был, прямо над этой станцией... Знаменитый старый цирк на Цветном бульваре...

И еще дверь. Может, тут? Должен ведь у них быть тут где-то...

Застолье какое-то. В маскарадных масках. То есть, хотели маскарадные... Сами рисовали, что ли? Не отсюда ли этот... Сбежал?

Поднимается навстречу хрупкая такая, изящная, и совсем... Рукой только прячет... В руке... И шею... К шее... Чувствует, что шея... Что там...

– Сядь. Сядь. Не уходи. Сядь. Побудь.

– У меня... Гриб. Аня, – нашарил гриб в кармане, взялся за него, как за оберег.

– Смешной.

– Где тут у вас? Мне надо... Надо!

– Вон. Туда. А потом ко мне. Пожалуйста.

Но нет, туда больше не возвратился: потерялся.

И потом – устал, и какой-то стол, и вокруг стола люди, а под столом – девушки. И тошно, а сил нет идти дальше. Сел. Потолок крутится, крутится, доказательство тому, что вся Вселенная вокруг Земли проворачивается. Выводят одну, голую – и хлыстом ее по связанным рукам. Остальные переглядываются, хлопают.

– Не смей! Те! – Артем привстал, насколько сумел.

– Ты кто? А?!

– Не смей! Унижать! – бросился колотить мимо, а его поймали, держат.

– Она сама! Кто ее? Мы кормим ее!

– Придурок! – это девчонка кричит. – Отстань! Я работаю!

– Наподдай ей!

– Давай, не жалея! – она просит; это она их просит.

– И ты... И ты не смей! Ты же! Ведь!

– Ты не сама! Она не сама! Ей просто деваться некуда! Куда ей деваться?!

– Умник! А всем нам – куда? Хлестани, хлестани! А теперь по сисечкам!

– Аай!

– От! Дай, я лучше попаду!

– Сядь! Сядь, выпей! С нами выпей! Сталкер? Сталкер ты?

– Не буду с... С вами! Не буду! Не трожьте! Озверели! Все! Куда деваться? Я-то знаю, куда!

– И куда? А?!

– Искать! Искать, где еще люди выжили! Искать! Уходить из этого проклятого места! Мы тут... Становимся кем? Скотами! Да меня сейчас от вас...

– Сталкер! Фантазер! Слышали? Наверх! Ты затылок свой видал? Лысеешь, брат! И мы чтобы за тобой? Ага!

– Ааай!

– Ах, хорошо! Ах, сладко! А, с-сучка?

– А что мы тут, в метро?! Выродимся! Двухголовые... родятся! Беспалые родятся! Горбатые! Без глаз родятся! Слизь вместо глаз! Рак у каждого третьего! Зоб! Вон, посчитайте,

сколько с зобом! Пока умеете считать! Дети-то ваши ничего уметь не будут! Вы тут девок для развлечения бьете! А на соседней... На Мендель... Менделеевской... Там все! Там уже! Пещеры! За двадцать лет! Пе! Ще! Ры!

– Погоди... Погоди, сталкер! Ты же правильно все говоришь. Правильно же говорит, а? Наш человек!

– А Менделеевская славная станция! Этот бордель против нее – тьфу...

– А ведь он верно все говорит! Вырождаемся! Гены... Гены замусорены. Выпьем, сталкер! Как тебя? Верно, мужики?

– Загажены гены! Нет чистоты! Налейте ему... У нас тут с секретиком есть, сталкер. За тебя! За чистоту генов!

– А? Что?

– И по-другому нам не спастись. Тяжелая работа. Грязная работа. Но кто-то должен делать ее. За нас!

– За нас!

– За Рейх!

– За Рейх!

– Да пошли вы! Я за фашистов... Воевали... Деда...

– Глянь, сталкер-то, а? Развоевался! Фашисты! Не следишь за выступлениями фюрера! Сто лет уже не фашисты! Смена генеральной линии! И черножжж... Так! Все люди братья, выпитываешь? Если гены не битые! Люди вместе должны держаться. Против уродов! Потому что из метро спасение одно... И-и-и...

– Чистота! Генов! Спасение! Народа! – хором.

– В натуре Дарвин был пацан!

На этих ногах никуда не уйти.

– И надо! Надо чистить, сталкер! Ты лазай там, лазай! Ищи нам, где жить можно! На здоровье! Хххаха! А мы пока тут будем... Чистить. У каждого своя! Работа! Нормальный ты! Нормальный! Не ссы! Наподдай!

Накопил сил на то, чтобы сползти, свалиться под стол. А там – голые девки, между ног у ораторов застряли. Вырвало.

Пополз на четвереньках вон. Вслед – аплодисменты.

– Скоты... Оскотинились... И я с вами... Оскотинился...

И потом уже комнаты-комнатушки-комнатенки завертелись, странные, были или не были, крашенные, картонные, заклеенные голым голым голым, и в лицо голые лезут, и кто-то голый верхом пытается проехать на нем, и еще все время, все время кто-то следом идет крадется догоняет черт это или кто или убийцу подослала те гуляки их бы так их бы в петлю побарахтаться не было ли среди них тех кто его тогда приговорил два года назад может и было а сзади все шаги и надо быстрее а на карачках как это не убийца наверное все же а черт а сатана за ним забрать забрать хочет утащить еще вниз на восемь метров на следующий круг а что там уйди уйди не хочу тебя где грибок мой где грибок который она мне вложила где мой оберег от этой нечисти господи спаси!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.